

К 9416
7172689

ПРОРОЧ. Ч. 16

67 K-9416
~~K-9919~~ 172689

Бюлетень

редакційного комітету
для видавши творів
Оп. поведн. з. 1, 1922.

1966

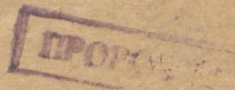
назв (163)

(239)

4(092).1 Победня

К-9979 К-9416

Бюлетень

Редакційного Комітету для видахня
творів О. П. Потебні.

Ч. 1.

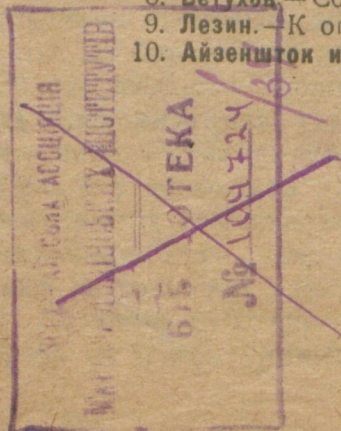
Виходить неперіодично.

Ч. 1.

~~2/28~~

З М І С Т:

1. Виникнення і діяльність Комітету.
2. Машини.—Критические взгляды Потебни.
3. Белецкий.—Потебня и наука истории литературы.
4. Акад. Багалей.—Думки Потебни про українську народність.
5. Акад. Сумцов.—Спогади й замітки про Потебню.
6. Айзеншток.—К биографии А. П. Потебни.
7. Айзеншток.—Еще о Ягиче и Потебне.
8. Ветухов.—Соколянский и Потебня.
9. Лезин.—К описанию рукописей Потебни.
10. Айзеншток и Синявский.—Описание рукописей Потебни.

ХАРКІВ.
1922.

1933

ЮЛЕНА

Роботничого Комітету для вибавки
модернізації

№ 1

Висновок комісії

1933

к 9979

Центральна Наукова
БІБЛІОТЕКА при ХДУ

ІНВ. № 172689

Центральна Наукова
бібліотека ХДУ
ІНВ. №

Виникнення й діяльність Комітету для видання творів О. О. Потебні.

Ідея в той чи інший спосіб відзначити 30-ті роковини з дня смерті проф. О. О. Потебні вже давно повстала серед суспільства.

В житті поволи зростало розуміння високих думок, так щедро розсипаних у важких до засвоєння творах видатного не тільки для Росії, а й європейського вченого філолога-язикознавця.

Усіх, хто особисто знайомився безпосередньо від творця із цією суцільною, по єдності форми й змісту, наукою, чарувала, нездержно захоплювала собою невичерпана активність мисли, її непокійна, революційна чинність. Це була тиха річка, що руйнує однак береги; це була обережна творча праця генія, що в той же час нещадно нищить поширені забобони; це був *справжній* історик письменства, хоч власне праць з історії письменства він і не видавав: він закладав для неї міцний фундамент, усебічно висвітлюючи ясным світом мисли життя слова, цього джерела всього мистецтва й усієї науки, головним чином у дослідях синтактичних, а потім і в галузі так зв. „теорії словесності“, що розумів її він дуже широко й глибоко. Це була глибоко й усебічно продумана проповідь, *відкіля й куди* ми йдемо в нашій духовній творчості. Це була наука про світовий ритм, про грандіозний хвилеподібний рух людської мисли, що ступає парними кроками, подібно до парних рухів маятника, ударів пульса, припливів й відпливів моря. „Знання,— каже Потебня—мають форми, залежні від форм язика, що утворюють й утворюються“; такі є: слово, речення, частини мови... Зі зміною граматичних розрядів змінюються й розряди мисли. Візьмем найширші узагальнення, як *сила, річ, субстанція*, що становлять зміст усіх наук...—все це такі самі пари, як підмет і присудок, річ і атрибут...

Найвища субстанція язиком людини так же пізнається, як на зразок „я й моя чинність“...

Антропоморфізм не є первісний, скороминулий ступінь мисли; він залишається й на верхів'ях абстрагування, відбиваючись і в найвищих проявах духа... *Бог, матерія, субстанція* належать до пізнання лише постільки, оскільки вони заступаються своїми предикатами—*світ, сила, явище*. Самі в собі ці суб'єкти стоять поза межами знання, трансцендентальні. Ми не можемо мислити без суб'єкта й предиката, хоч отака людиноподібність мисли підлягає змінам... Над цим працюють не тільки фахові філософи, а й народні маси, що є ніби філософами з тисячелітньою працею... У людській мислі—повсякчасне чергування того, що пояснюється і що пояснює, питання й відповіді, суб'єкта и предиката, подібно до чого утворено й такі пари абстракцій, як субстанція та сила.

Наше мисління іде повсякчас у категоріях психичного суб'єкта й предиката і в цьому ритмічному світовому процесі його розвитку безперестанно міняються граматичні розряди, поруч із філософськими категоріями“.

Уже цей невеликий виімок із праці Потебні, друкованої під скромною назвою „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“, дає відповідь на питання, чому його твори повинні як найдужче ширитися серед освіченого суспільства і чому чим раззростає число його прихильників і робітників у різних галузях науки й педагогії, що втілюють шлях цим ідеям до народніх мас.

З'являються статті, брошури та книжки (виходив навіть часопис, присвячений, переважно, розробці цих ідей), що знайомили суспільство з наукою Потебні і кілька видатних, відомих ймень захопила ця хвиля (Овсянико-Куликовський, Горнфельд та навіть Андрій Белий і багато інших). У 1910 р. видруковано в Петербурзі (в І т. „Енциклопедіи славянской филології“,) велику розвідку Ягича „История славянской филології“, де подано блискучу, всебічну оцінку Потебні: „Важко вказати другого серед філологів, щоби міг стати нарівні з Потебнею по глибокому розумінню явищ язика та філософській проникливості. Його визначала чудова властивість щирої, цілковитої відданности науці, як священій справі, що не дозволяє суб'єктивного свавілля й вимагає абсолютного вшанування істини, визнання логіки фактів“. З 1911 р. виникає в Харкові видання „Вопросы теоріи и психології творчества“, під редакцією Б. А. Лезіна. Напрямок збірника—обробити ідеї Потебні та кілька статтів учнів славетнього лін-

гвіста: В. Харцієва, Д. Овсянико-Куликовського, Горнфельда і ин. Під впливом цих збірників про Потебню голосніше заговорили в столичній науковій та педагогічній пресі.

По містах, навіть невеликих (Ярославль, Курск, Кременчуг і ин.) закладаються гуртки потебніянців, через які поволі проходило в суспільство розуміння, хоч чуттям величи цієї науки, її ваги.

В Петербурській Академії Наук один час виникла, швидко після смерті О. О. Потебні, думка про видання збірки його творів: що, на жаль, не знайшла відгуку, не дивлячись на клопоти про переведення її в життя вдови ученого Марії Францовни, яка, глибоко шануючи пам'ять О. О., до кінця днів своїх (у вересні 1920 р.) переписувала його рукописи; вона через кілька років після смерті дружини, за допомогою невеликої групи останніх учнів його, видрукувала наново де-які з його творів і навіть видала де-які з невиданих за його життя.

На початку 1920 р. в Харкові склався невеликий гурток молоді—потебнінців, що притяг до праці серед гуртка де-кого з безпосередніх учнів Потебні. Гурток цей гадав видати до 30 роковин з дня смерті Потебні невеликий огляд зробленого для розробки потебніянства за останні 5 років (після 25 роковин з дня смерті), видати невеликий збірник статтів прихильників та ворогів цієї науки та перекласти і видати на українській мові кілька невеликих статтів Потебні загального значіння.

Виникала і в Українській Академії Наук думка про повне видання творів Потебні (право на таке видання було передане вдовою небіжчика через акад. Д. І. Багалія.) Харківська Академія Теоретичних Знань доручила проф. О. В. Ветухову—одному з безпосередніх учнів Потебні у 1920—1921 р. зачитати окремий курс „Лінгвістична система Потебні“.

В своїй вступній лекції до цього курсу О. В. Ветухов розвинув думку про величезне значіння в справі поступу науки ґрунтовних тез науки Потебні і, нагадавши про те, що наближаються 30-ті роковини з дня смерті Потебні, в кінці своєї лекції звернувся до присутніх на лекції представників Української Академії Наук, Академії Теоретичних знань та Наркомосвіти, а також до студентства та громадянства з закликом допомогти, що є змоги, вшануванню пам'яті цього великого імені, свого незабутнього вчителя. І тут саме на лекції цей заклик зустрів щирий відгук у наstarійшого представника університету, академіка М. Ф. Сумцова.

Так, потроху, різними шляхами підготовувалася думка про необ-

хідність утворити якийсь спеціально-науковий заклад, що мав би зосередити навкруг себе усі сили, направлені до переведення в життя ідей великого вченого.

Народній Комісар Освіти Г. Ф. Гринько, високо шануючи Потебню, як виключно видатного діяча України, вирішив утворити окремий науковий орган при Українській Академії Наук та Наркомосвіті, що взявся-б за розробку цього питання. Для того ж, щоб виробити „Положення“ про такий орган, він закликав академіка Д. І. Багалія та проф. А. П. Машкина, „Положення“ стверджено 16 вересня 1920 року. У склад „Редакційного Комітету для повного видання творів О. О. Потебні“ при Укр. Академії Наук та Наркомосвіті призначено: акад. Д. І. Багалія, акад. А. Е. Кримського (у Києві), акад. М. Ф. Сумцова, проф. А. П. Машкина та О. І. Попова. На перших своїх зборах Комітет обирає президію в такому складі: акад. Д. І. Багалій—голова та проф. О. В. Ветухов—вчений секретарь. Життя Комітету почалось, правда, в дуже несприятливих умовах: не було відповідного помешкання, опалення, обстанови; важко було притягти до праці, з огляду на невелику оплату, без пайка, кваліфікованих співробітників навіть для переписування рукописної спадщини О. О. Потебні, потроху зібраної в рукописному відділі Харківського Центр. Архіву. Спадщина ж ця становить великі труднощі для тих, хто працює над нею (дрібний, дуже нерозбірливий почерк, властивості особистої ортографії, недописані слова, численні цитати на кількох чужоземних та слов'янських мовах, також з написом, властивим лишень Потебні).

Не дивлячись на це все Комітет, почавши свою працю в кінці жовтня 1920 р., встиг до кінця року виробити загальний план видання, розподіливши його на 6 відділів: 1) Вступний (спроба життєпису, бібліографія та критичні статті), 2) філософія язика, 3) граматичні праці, 4) народня словесність, 5) Opuscula та 6) листування Потебні. Трохи пізніше всю збірку творів Потебні ухвалено розбити на 20 т., кожен у 25—30 друков. аркушів згідно з планом, що прикладається (Додаток № 1). Було розкладено на групи рукописи Потебні, підшукано особу для складання життєпису та притягнуто до праці співробітників (Див. Додаток № 2) на місці, а також і в Петербурзі (Б. Л. Модзалевського та В. І. Срезневського) і в Москві (М. А. Янчука); було складено колегію „чорнових“ редакторів для підготовки до друку праць Потебні та керівництва роботою закликаних для переписування рукописів палеографісток.

Крім того, складачеві біографії Потебні, І. Я. Айзенштокові, було дано можливість виїхати до Москви для того, щоб відшукати там матеріяли, потрібні для його праці. Вироблено згідно з пропозицією М. Ф. Сумцова план влаштування при Комітеті книгозбірні, потрібної для ближчої праці Комітету, а також і для розвитку ідей Потебні в майбутньому. Вжито було заходів до того, щоб одержати від спадкоємців Потебні (після смерті М. Ф. Потебні) рукописи О. О., залишені в їхньому розпорядженні. Засідання Комітету, де розглядалось багато біжучих справ (про мову вступного тому та супровідних статтів; про мову самої збірки творів Потебні та про Потебнинську орфографію, про метод переписування рукописів і ин.), відбувалися щотижня (до кінця року їх було 11).

У 1921 році діяльність Комітету почала переходити з стадії організаційної, підготовчої до реалізації намальованих планів.

Обібрано склад редакторів видання: Д. І. Багалій для вступного тому (біографія, бібліографія Потебні та вступні статті); А. П. Машкин, А. І. Білецький та Б. А. Лезін—праць по теорії словесности; А. Е. Кримський—граматичних (крім синтаксису) праць; О. В. Ветухов та О. Н. Синявський—праць по синтаксису; М. Ф. Сумцов, О. В. Ветухов та Ф. Ю. Зелінський—праць по етнографії; Е. К. Тимченко—словника та І. Я. Айзенштока—листування.

Вироблено операційного плану діяльності Комітету на 1921 р. У першу чергу ухвалено було підготувати до видання „вступний“ том (коло 40 друк. аркушів). Редагувати „Мысль и язык“ доручено колегії редакторів (І. Я. Айзеншток, О. В. Ветухов, Б. А. Лезін, П. Г. Ріттер та О. Н. Синявський). Позаяк, треба думати, цією книжкою будуть користуватися не тільки кваліфіковані наукові робітники, але більш-менш широкі кола читачів, то ухвалено додати до неї вступні статті учнів О. О. Потебні—А. Г. Горніфельда та В. І. Харцієва. Редагувати другу ранню розвідку Потебні „О некоторых символах“ доручено М. Ф. Сумцову, О. В. Ветухову та Ф. Ю. Зелінському; вступну статтю до цієї праці написав М. Ф. Сумцов. З невиданого рукописного матеріялу ухвалено підготувати до друку „О глаголе, 4-ий т. Из записок по русск. грам.“; чорнове редагування, після переписки, доручено колегії редакторів, а остаточну редакцію доручено В. І. Харцієву. Для перекладу статтів на українську мову закликано на співробітника К-ту К. Т. Німчинова, а для редакції його перекладів О. Н. Синявського. Визнано потрібним скласти опис усіх рукописів Потебні.

Не дивлячись на різні перешкоди й труднощі (брак палива, часта зміна палеографісток та діловодів—через дуже малу платню, затяжна праця над рукописами, неможливість вчасно діставати книжки для справок, перевірки цитат та використання їх при підготовці праць Потебні до друку та ин.)—операційний план, накреслений на 1921 рік, напевне, буде виконано цілком.

Принаймні, тепер вже написано 2 розділи біографії Потебні, переглянуті Д. І. Багалієм, і перекладено вже на українську мову. Складено бібліографію праць Потебні та про нього.

В Одесі друкують „Мысль и язык“ та „О некоторых символах“ під доглядом спеціально надісланого туди співробітника К-ту К. Т. Німчинова. В Харкові ж виходить цей бюлетень К-ту на спомин про Потебню.

Рукопис „О глаголе“ закінчують переписувати і її більшу частину вже перевірено редакційною колегією. Складено короткого опису рукописів. Крім накресленого у плані, переведено ще такі роботи: почато підготовку до друку 1—2 ч. „Из записок по рус. грам.“—звіряються між собою попарно попередні видання, доповнюються (а іноді й виправляються де-які місця) по друкованому примірнику цієї праці, з написами на книзі рукою автора. Почалась також перевірка „Из записок по теории словесности“ з рукописом.

По-за цим основним завданням підготовки до друку та друкування творів Потебні—Комітет вжив заходів до того, щоб утворити в будинку по Підгірній вулиці, що належав О. О. і де він жив до кінця днів—науковий заклад його пам'яті, в якому можна було б зосередити все, що тільки прямувало, прямує й прямуватиме до вшанування цього славетного імені. Вжито також заходів до оправи могили й пофарбування надгробка та штахетів. К-т порушив також справу про зміну назви Підгірної вул. на „Вулицю Потебні.“ Вироблено план вшанування 30 роковин з дня смерті Потебні (12.XII/29.XI). Піднято справу про забезпечення онуків О. О.

Комітет вважає своїм обов'язком висловити подяку спадкоємцям О. О. Потебні за передачу в розпорядження Комітету рукописів О. О., книжок з його власноручними написами, портретів, документів, що стосуються до його життя та діяльності, та кабінетного стола, за яким О. О. писав свої твори.

Голова Комітету Д. Багалій Вчений секретар О. Ветухов.

1-е приложение к отчету Комитета.

План издания сочинений А. А. Потебни.

Проект.

Вступительный том: Биография Потебни (20 л.); оценка его деятельности (15 л.); библиография его трудов и работ о нем (5 л.).

Серия первая: Философия языка и мысли. Теория слова.

Том I — „Мысль и язык“ (15 л.) со вступительными статьями.

Том II — Посмертные статьи и заметки. Поэзия и проза:—1. Определение поэзии.—2. Слово и его свойства. Речь и понимание.—3. Три составные части поэтических произведений.—4. Значение поэтических произведений для самого автора.—Поэт и публика. Критика толпы. Стыдливость творчества.—5. Понимание (критика). Идеальность поэзии и науки.—6. Поэтичность содержания. Формальность поэзии.—7. Виды поэтической иносказательности.—8. Влияние поэзии. Героизм.—9. Цель в искусстве.—10. Вдохновение.—11. Поэзия и проза.—12. Критика и сосредоточенность знания; взаимодействие наук.—13. Условия процветания и падения поэзии.—14. Цивилизация и народная поэзия.—15. Поэзия устная и письменная.—16. Пессимизм и регрессивность мысли.—17. Язык и народность. (Всего 15 л.).

Том III — Из лекций по теории словесности. Мифотворчество.—1. О тропах и фигурах.—2. Синекдоха и эпитет.—3. Метонимия.—4. Метафора.—5. Сравнение.—6. Виды метафоры со стороны качества образа и отношения к значению.—7. Басня. Пословица.—8. Субъективные средства изобразительности.—9. Гипербола и ирония.—10. Конкретность мышления.—11. Луччий журавель у небі, ніж синиця в жмені.—12. Умозаключение в области метафоры, метонимии и синекдохи.—13. Миф и слово.—14. Об участии языка в образовании мифов.—15. Характер мифического мышления.—16. Религиозный миф. (Всего 18 л.).

Серия вторая: Грамматические труды.

Том IV —1. Два исследования о звуках русского языка.—2. Записки в малорусском наречии.—3. Рецензия на статью о подвижных звуках о малор. языке (неизд.) (Всего 20 л.).

Том V —1. Язык и языки.—2. Вступительная лекция 1881-2 г.—3. Из записок по русской грамматике ч. I.—4. Из записок по русской грамматике ч. 2. (Всего 40 л.).

Том VI.—Из записок по русской грамматике ч. 3-я. (40 л.)

Том VII.—1. Значения множественного числа.—2. Из записок по русской грамматике ч. 4 я (неизд.)—3. Рецензия на литовско-русский словарь бр. Юшкевичей (неизд.) (Всего 40 л.)

Том VIII.—1. К истории звуков русского языка ч. I.—2. К истории звуков русского языка ч. II. (Всего 22 л.)

Том IX.—1. К истории звуков русского языка ч. III.—2. К ист. зв. русс. языка IV.—3. Этимологические заметки.—4. Рецензия на книгу П. И. Житецкого. (Всего 25 л.)

Серия третья: Этнография, народная поэзия.

Том X.—1. О некоторых символах.—2. О связи некоторых представлений в языке.—3. Заметка о „Кикее“.—4. О доле и сродных с нею существах.—5. К статье Афанасьева „Для археологии русского быта“.—6. О купальских огнях.—7. Переправа через воду. (Всего 20 л.)

Том XI.—1. Рецензия на статью П. А. Лавровского „Исследование о мифических верованиях славян в облако и дождь“ (неизд.)—2. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий.—3. Ответ Лавровскому—4. Приложение: рецензия Лавровского. (Всего 30 л.)

Том XII.—1. Малорусская народная песня по списку XVI века.—2. Слово о полку Игореве.—3. Заметка о задонщине. (20 л.)

Том XIII.—1. Рецензия на сборник Головацкого.—2. О народности—по поводу соч. Рюдигера.—3. О народности по трудам Кулища (Всего 15 л.)

Том XIV.—1. Заметка о двух песнях.—2. Рожа-мажа.—3. Село, деревня. (К истории быта).—4. Малорусские домашние лечебники.—5. Заговоры.—6. Простейшая форма колдовства и чар.—7. Объяснение малорусских народных песен. Т. I. (Всего 25 л.)

Том XV.—Объяснение малорусских и сродных народных песен т. II. (50 л.)

Том XVI.—1. Материалы для словаря. (20 л.)

Серия четвертая: Opuscula minora.

Том XVII.—1. Об Одиссее.—2. Перевод Одиссеи.—3. Заметка о Толстом, Достоевском и Одоевском.—4. Рецензии на диссертации Сумцова, Щерцля, Соболевского, Халанского, Воеводского и др.—5. Ответ Безсонову.—6. Некролог А. А. Попова.—7. Некролог М. А. Колосова.—8. Реферат о Достоевском и др. (Всего 20 л.)

Серия пятая: Переписка.

Том XVIII.—Письма Потебни и к нему. (20 л.)

Том XIX.—Дополнительный с новыми материалами. (20 л.)

Итого 515 печатных листов.

II-е приложение к отчету Комитета.

Личный состав Комитета.

1. Багaley Д. И., акад.,—председатель Комитета
2. Сумцов Н. Ф., акад.,—член комитета.
3. Крымский А. Е., акад., „ „
4. Машкин А. П., проф., „ „
5. Ветухов А. В., проф.—ученый секретарь.
6. Айзеншток И. Я., —ученый редактор.
7. Белецкий А. И., проф., „ „
8. Зелинский Ф. Ю. „ „
9. Лезин Б. А. „ „
10. Немчинов К. Т. „ „
11. Риттер П. Г., проф., „ „
12. Синявский А. Н., проф., „ „
13. Модзалевский Б. Л.—ученый корреспондент в Петербурге
14. Слезневский В. И. „ „
15. Янчук Н. А. „ „
16. Е. Д. Базгина. Делопроизводительница

Критические воззрения Потебни.

(Эскиз работы).

Потебня!.. Нет вопроса в области философии языка, который не был затронут маститым ученым пред аудиторией студентов-филологов Харьковского Университета за тридцать лет его жизни, начиная с 1861 года. Его лекции до нас не дошли, за немногими лишь исключениями.¹⁾ Работ Потебни кже почти нет: он не любил „печататься.“ Сохранились только его заметки, служившие ему материалом, от которого он отрывался во время чтения своих лекций и в семинарских занятиях со студентами. Заметки эти,—мелко-мелко исписанные листочки в четвертушку листа, имеются и на руках исследователей Потебни, и в архиве редакционного комитета по изданию работ ученого. Здесь ждут они своего исследователя, который поведал бы оному миру, научные достижения Потебни.

Обычно думают, что Потебня был лингвист, да еще к тому же сухой, чего не знавший, кроме грамматических исследований. Его строгий, аскетический облик, что смотрит на нас с портрета, как будто подтверждает только что высказанную мысль и заставляет сказать: этому человеку, конечно, были чужды увлечения поэтическими произведениями, ему чужда была душа поэта.

Но если всмотреться пристальнее в тот материал, что уже опубликован о жизни Потебней²⁾ и после смерти его учениками,

¹⁾ Историко-филологический факультет Харьковский. Универс. за первые сто лет его существования. Харьков. 1908. Ст. Сумцова о Потебне; 102 104.

²⁾ Харпиев. „Из записок по теории словесности“, „Из лекций по теории словесности“. В первой книге собраны В. Харпиевым черновые заметки Потебни по теории словесности, служившие ему материалом при чтении разных курсов; во 2-ой записки лекций о басне, пословице и поговорке, изданные тем же Харпиевым.

В. Харциевым ¹⁾ и Б. Лезиным, ²⁾ если внимательнее всмотреться в оставленные черновые заметки ученого и припомнить объявляемые им курсы Университете и у себя на дому для избранной части аудитории, то решительно можно утверждать, что специфически лингвистическими исследованиями Потебня не занимался. Его волновали, а вместе с ним и его аудиторию, другие вопросы, — вопросы эстетики, в частности — поэтики. Лингвистические работы Потебни были только „стропилами“, ³⁾ необходимыми для создания теории поэзии, построенной на фундаменте психологии речи человеческой. В самом деле, из опубликованных тридцати работ на долю „теории словесности“ падает двадцать две; ⁴⁾ среди имеющихся рукописей лишь одна может быть отнесена к так называемым исследованиям о языке, тогда как по „теории словесности“ имеется их ряд; наконец, среди его учеников нет работников в области научного языкознания: все они интересуются пишут по вопросам литературно-художественного творчества.

Но эти доводы — формального свойства, хотя они и обоснованы достаточно приведенными фактами. Остановимся на доводах по существу. Потебня всегда интересовал процесс словотворчества, психология речи, жизнь последней в мышлении слушателя. Этой психологической основой языковой сферы проникнуты и его записки по русской грамматике, говорящие о жизни грамматических категорий в зависимости от процесса нашего мышления, нашей психики. Словотворчество граничит с поэзией: особенно полно оно развернулось в ней. Естественно, что поэзии отдается самое почтенное место в работах Александра Афанасьевича.

Перед нами, таким образом, не языковед Потебня, а Потебня теоретик художественного слова, теоретик психологии поэтического творчества, его и толкователь, или философ-критик, что, по мнению ученого, является тождеством. Его записки о поэзии Л. Толстого, Тургенева, Одоевского (в связи с диссертацией Н. Ф. Сумцова), Достоевского, Тютчева, Гоголя и заметки других российских художников слова дают богатый материал для оценки с рассматриваемой стороны деятельности Потебни и, вместе с тем, указывают его подход к разрешению различных законов в области поэтики. Этот по

¹⁾ „Из записок“ и „Из лекций“.

²⁾ Вопросы теории и психологии творчества. Изд. Б. Лезина. Харьков, 1911. Том V, 263—293, Потебня; изданы черновые заметки о Л. Н. Толстом и Достоевском.

³⁾ Выражение А. В. Ветухова в связи с моим докладом в соединенном заседании Редакционного Комитета по изданию работ Потебни и Научного общества в Харькове.

⁴⁾ Ист. филолог. фак., стр. 104.

од можно характеризовать идеалистическим подходом к разрешению вопросов, идеалистическим пониманием психологии речи и поэтического творчества, в противовес пониманию материалистическому, которое, при жизни Потебни, проникало и на страницы журналов и даже в академическую среду. Чем это объяснить? И, вместе с тем, чем объяснить интерес Потебни к вопросам поэтическим?

Александр Афанасьевич принадлежал к такой социальной группе, что ему и приходилось думать о заработке. Борьба за существование для него имела только абстрактный, академический характер. Это не разночинец конца пятидесятых — шестидесятых годов, которому приходилось жить впроголодь и вечно сталкиваться с боевыми вопросами жизни; определявшими его миропонимание. Подобное „существование“ было чуждо Потебне, сначала отгороженному от мира барской усадьбой поэтического села Гавриловки, Роменского уезда, Полтавской губернии, с ее легендарной народной поэзией, а потом а чужбине в польской гимназии (Радомской), семьей своего дяди-учителя, а Харьковском Университете сначала кружком Неговского с его „увлечением алорусской народной поэзией“, и, наконец, братьями Лавровскими — профессорами и ближайшими руководителями молодого ученого.¹⁾

Все это не могло не развить в юноше склонности к одиночеству, каким он был и всю свою жизнь), устремления в себя, самоанализа, склонности к царству мысли, куда уносила его и народная поэзия, которой он интересовался еще до гимназии, и в семье дяди-учителя — немецкая поэзия.

Академическая работа, скоро приучившая Потебню оперировать с отвлеченными идеями, жить в мире интеллектуальных изысканий, погрузила его в бласть этого интеллекта, имеющего свою, независимую от житейских явлений, динамику, как о том говорили в то время с университетской кафедры.

Что было содержанием его, Потебни, царства?

Украинская народная поэзия, интересоваться которой он стал еще подростком в Полтавской губернии,²⁾ затем гимназистом у своего дяди, далее университете в кружке студента-медика V-го курса Неговского, имевшего личную библиотеку украинской поэтической мысли, и, наконец, стал изучать последнюю под влиянием университетских занятий, особенно профессора Метинского. Из области художественной литературы Потебню интересовала и влекла немецкая поэзия, чтению которой он так отдавался еще в гимна-

1) Приводимые данные из биографии Потебни, составленной Айзенштоком. Глава I в III (Рукопись).

2) Айзеншток. Биография, гл. II.

зические годы. Любимцем был углубленный в анализ мысли, как и его чтен. Гете. В Харькове, куда Потебня приехал 16 лет для поступления в Университет, увлечение немецкой поэзией еще усилилось; произошло это по двум причинам: во-первых, Потебня великолепно владел немецким языком, а здесь немецкой литературы было много; во-вторых, уже названный профессор Метлинский в своих лекциях рекомендовал слушателям чтение немецких поэтов.

Об этом увлечении может свидетельствовать углубленное чтение Потебней, с пометками в тексте и на полях, „Переписки Гумбольта с Гете и с Шиллером“, которая имела тогда уже в библиотеке Университета. Возможно, что эта переписка первая привела Потебню к философии Гумбольта.

В такой атмосфере развивалось и крепло мировоззрение молодого Потебни. Естественно, что оно предрасполагало к восприятию идей, сродных тем, в мире которых он развивался тем более, что университетские руководители его занятиями, братья Лавровские и Метлинский, ¹⁾ указывали в своих лекциях и беседах на источник, к которому Потебня и должен был обратиться — на германскую философию того времени и в первую очередь на философа-лингвиста Вильгельма Гумбольта, полное собрание сочинений которого выходило в 1841—1852 г. г. Вслед за Гумбольтом, в качестве руководителя Потебни, является родственник ему по духу мыслитель-художник Гете, на которого не раз в своих лекциях ссылался Метлинский ²⁾.

Немецкая философская идеология, таким образом, становится последним словом науки. Вильгельм Гумбольдт в пятидесятых годах попадает в библиотеку Харьковского Университета, ³⁾ а затем его сочинения, вместе с Гете и с Шиллером, становятся настольной книгой молодого ученого-магистранта-Потебни. „Микрокосм Лотце“, „Комментарии“ Штейнталя, „Жизнь души“ Лацаруса, „Общая метафизика“ Герберта, учителя только что названных философов, „Leitsehrift für Sprechwissenschaft dñh Völkerpsychologie“ этот лучший психолого-лингвистический журнал того времени, дали отправную точку зрения Потебне при его лингвистических изысканиях. ⁴⁾ Школа сравнительного языкознания Боппа, Потта, Шлейхера и других, равно как и историческая школа Гри-

¹⁾ „Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования. Харьков. Издание Университета 1908. Составленные Н. Ф. Сумцовым биографические очерки Метлинского (стр. 82), Лавровского (стр. 87) и Потебни (стр. 95). Пыпин: «История русской этнографии», том III Автобиографическая записка Потебни. Айзеншток: «Биография Потебни», гл. III, (рукопись).

²⁾ Историко-филологический факультет Харьковского Университета; стр. 83.

³⁾ Инвентарный каталог библиотеки бывшего Харьковского Университета; стр. 83.

⁴⁾ Машкин, Библиотека Потебни. (Рукопись).

мма—послужили основой лингвистической эрудиции украинского ученого. Навейные еще атмосферой Полтавской губернии, с ее песнями и сказаниями,¹⁾ а затем университетскими преподавателями, особенно Метлинским сборник последнего „Южно-русские народные песни“ был первою книгой, по которой Потебня, по собственному признанию, учился приглядываться к явлениям языка,²⁾ интерес к внутренней жизни языка-речи, увлечение народной поэзией, особенно южно-русской, изучение художественной литературы, поддержанное и углубленное эпохой „Украинского возрождения“³⁾ все это не смогло не склонить Потебню использовать указанную выше лингво-психологическую теорию для изучения поэтического творчества и построения его теории.

Правда Потебня не оставил нам систематически построенную научную поэтику, но произошло это совсем не потому, почему думает Виктор Шкловский. Последний утверждает следующее: „Система оказалась неспособной к жизни, поэтому книга осталась ненаписанною. Потебня не взял на себя ответственности за свое построение.“⁴⁾ Но необходимо припомнить два обстоятельства: во-первых, Александр Афанасьевич редко обрабатывал свои записки и печатал их—сделал это лишь в „Символах“ и в работе „Мысль и язык“; во-вторых, начиная с его магистерской диссертации и кончая предсмертными работами в области анализа поэтического творчества, Потебня высказывал одни и те же взгляды и развивал их с достаточной детализацией и систематичностью. Оба эти факта указывают на то, что в продолжении всей своей академической деятельности Потебня не переставал интересоваться теорией поэтического творчества. Не оставил же нам стройной системы лишь потому, что он не готовил к печати своих черновых заметок, служивших материалом для его лекций. Однако, перейдем к развитию прерванной мысли.

Сущность последней сводится к следующему. Здесь мы даем место ученику Потебни, Горнфельду, приводимая ниже цитата из работы⁵⁾ которого достаточно лаконично, что настойчиво необходимо для нашего эскиза, выявляет

¹⁾ Воспоминание о Потебне „земляка“. Письмо М-ну.

²⁾ Пыцин. Этнография; III. Автобиография Потебни.

³⁾ Тридцатые и сороковые годы ознаменованы в Харькове появлением ряда альманахов („Утренняя звезда“, „Сноп“, „Молодик“, „Южно-русский сборник“) отражавших культурные запросы украинской интеллигенции, группировавшейся вокруг Университета. Альманахи эти послужили толчком к организации отдельных групп (напр., Неговского, к которому принадлежал и Потебня), ставивших перед собой задачу культурного возрождения Украины. Подробнее—рукопись Айзенштока.

⁴⁾ „Поэтика“. Сборник Петроград. 1919. Стр. 6.

⁵⁾ „Вопросы“. Т. В. Горнфельд. „Поэзия“. Стр. 399—400.

точку зрения Александра Афанасьевича на поэзию. „Общий ход человеческой мысли есть объяснение нового, неизвестного при посредстве уже познанного, известного, названного.

Создание языка, продолжающееся безостановочно в наше время (не *ergon* а *energeia*) есть постоянная систематизация внешнего мира посредством приобщения новых явлений к имеющим уже название впечатлениям. Ребенок видит неизвестный предмет—шар на лампе и, присоединяя его к впечатлению познанному, называет шар „арбузиком“. Поэт видит особое движение верхушек дерев и, находя в запасе впечатлений одно, наиболее подходящее к этому движению, говорит: „верхушки дерев завыпают“. Народ, видя новый способ передвижения, создает для него название по наиболее выдающемуся его признаку: „чугунка“. Так создается каждое новое слово, каждое слово есть „переносное выражение“; собственных выражений и слов нет; все слова—с точки зрения их происхождения—суть тропы (Гербер), т. е. произведения поэтические. Сообразно с этим поэзия признается особым видом мышления, противоположаемым прозе, науке; поэзия есть мышление в словесных образах, тогда как проза есть мышление при посредстве абстракций, схем, формул.... Что такое образ? Это—воспроизведение единичного конкретного индивидуального случая, имеющее свойство быть знаком, заместителем целого ряда разнообразных явлений.... Поэтический образ является, именно, таким обобщающим началом, основанием, у которого группируются организованными массами необъединенные явления жизни. Поэзия может быть названа познанием мира при помощи образов, символов, и этот образный способ мышления свойствен всем—и детям, и взрослым, и первобытным дикарям, и образованным людям.

„Какое место занимает поэтическое мышление в развитии человеческой мысли вообще и какими свойствами ума обусловлено происхождение такого способа объяснения явлений,—это видно лучше всего из его сопоставления с сродным ему складом мысли, так называемым мифологическим мышлением. Поэтому глава о мифе (точнее—о его психических основах)—необходимая составная часть современной поэтики. Основой мифического склада мысли является, как и в мышлении поэтическом, аналогия объясняемого явления с придуманным образом; но поэтическое мышление ясно видит в этом образе вымысел, мифическое—принимает его за действительность. Говоря „идет холера“, поэтическое мышление не имеет притязаний на антропоморфическую реальность этого образа; мифическое, наоборот, настолько проникнуто его реальным характером, что находит возможным бороться с ним посредством

109729

ахивания, проведения границы, через которую олицетворенная холера не ступить не может.

Итак, поэтический образ является в результате особого характера человеческого мышления. Этот результат — факт языка, объектирующего, нередко большим трудом, нашу¹⁾ образную мысль.

Но откуда появляется этот образ? Тождествен ли он с тем предметом и явлением, которое дала ему жизнь? Каково отношение эстетики к действительности? Потебня отвечает: „Искусство имеет своим предметом природу в обширнейшем смысле этого слова, но оно есть не непосредственное отражение природы в душе, а известное видоизменение этого отражения. Между природою и произведением искусства стоит мысль человека“ добавляет Потебня. И вот эта-то мысль, являющаяся плодом естественно субъективных восприятий поэта, выделяет из основных сочетаний восприятий своих определенные группы черт, которые и дают путь для организации в мысли речи действительного образа. Условия возникновения его зависят от психических свойств поэта, его познаний, говоря короче: его духовной структуры тех ассоциаций, которые вызываются еще возникающим образом и наоборот: соответствующие „реалы“ ассоциируются с уже прежде названными образами и создают новый, отличный от бывших до него. Вместе с тем, в условиях возникновения образа входит, конечно, распознавание и того толчка, который послужил к реализации в языковом факте мысли, бродившей ранее в досознательной сфере человеческого интеллекта.

Появившийся в результате приведенных процессов мысли поэтический образ является своеобразным для автора толкованием действительности; он является представителем множества отдельных мыслей, умственных комплексов, входящих в сознание поэта: „Поэзия, как и наука, — говорит в ряде своих писок Потебня, — есть толкование действительности“²⁾. Поэтическое творчество, таким образом, характеризует личность его творца.

Для большего осознания студентами рассматриваемого процесса возникновения поэтического произведения, в своих лекциях Потебня приводил обыкновенно следующее математическое сравнение, иллюстрирующее отдельные моменты поэтического познания. Поэт обладает известным запасом знаний, известной способностью впечатлений, определенным методом наблюдений рядом других интеллектуальных ресурсов, тающихся в его духовной структуре и находящихся в потенциальном состоянии до того времени.

¹⁾ Горнфельд „Муки слова“.

²⁾ Потебня. Из записок по теории словесности. 67 стр.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон.

Этот комплекс психических состояний и познаний Потебня называет буквой „а“ большое—А.

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

Причину всполоха душевного равновесия поэта, указывающего на акт познаний, „божественный глагол“, Потебня именует Х-ом. Налицо мотивы созданию поэтического образа. В подсознательной сфере многообразие мнений приходит в движение, благодаря этому Х, побуждаемому к поэтическому познавательному акту. В сфере сознания, на сцене мысли человеческой, появляется незначительное количество знаков или образов, являющихся обобщением многочисленного ряда явлений, имевших место в А. В акте творческой речи перед нами результат поэтического процесса—„а“ малое а. Это является только частью А. Через посредство Х из запаса прежде сознанных образов и впечатлений выделяется новый. Этот новый получает словесную плоть, — свою внешнюю форму, которая неотделима от формы внутренней, служившей почвою для образа в самом художнике во время акта создания. Внешняя форма нераздельна с внутренней, меняется вместе с ней, без перестает быть сама собою, но тем не менее совершенно от ней отличается особенно легко почувствовать это отличие в словах разного происхождения получивших с течением времени одинаковый выговор: для малороссии слова „мыло“ и „милу“ различаются внутреннею формою, а не внешнею. Кроме двух этих „стихий“ в произведении искусства имеется еще треть „содержание“. Вместо „содержание“ художественного произведения, можно употреблять более обыкновенное выражение, именно „идея“. Идея и содержание в настоящем случае для нас тождественны¹⁾.

Вот и все основные категории литературно-художественного произведения.

Процесс этот, по мнению Потебни, происходит следующим образом: „Нечто А, неясное для самого автора, является перед ним вопросом. Ответ он может найти только в прошедшем своей души, в приобретенном уже или нарочно расширяемом ее содержании—А. В этом А, говоря о

¹⁾ Потебня. Мысль и язык. стр. 146.

²⁾ Ibidem.

сказательно, хотя, быть может, не слишком удаляясь от истины, под влиянием вопроса X (что?) происходит некоторое беспокойство, движение, волнение; X отталкивает от A все для себя неподходящее и привлекает сродное. Это последнее кристаллизуется в образ сложившийся из бродивших элементов. Происходит суждение: X есть a из A^1).

Таковы пути возникновения в душе поэта образа.

Этими категориями, как стихиями своей творческой мысли, владеет поэт. Читателю же надлежит уяснить их, „понять“, если он хочет не только наслаждаться художественным произведением, но и достичь его понимания. Чтобы облегчить этот путь к достижению сознательного отношения к акту творчества, существует ряд приемов, которые можно назвать общим именем „критика“. ²⁾ Ее содержанием является исследование трех моментов творчества: A , X и a . ³⁾ Из трех стихий A , X и a , существовавших в душе художника, объективно и доступно „посторонним только — „ a “, то-есть совокупность внешней и внутренней формы: слова и образы. О среде, из коей взято a и X посторонние могут судить только по догадкам, только по тому, что в этих величинах есть объективного. Так, в состав той среды, из которой возникает образ, кроме личных условий жизни поэта, входит усвоенное им предание, доступное исследованию до момента этого усвоения. Критика, обращенная к прошедшему данного образа, стремится установить его связь с другими предшествовавшими, его родословную, вообще преемственность типов. Так, образы народной поэзии имеют родословную, теряющуюся во мгле веков. Точно так в X , в том вопросе, на который отвечает данный образ, определены только доступные внешнему наблюдению условия жизни поэта, например, пребывание Пушкина и Лермонтова на Кавказе по отношению к стихотворениям того и другого, изображающим кавказскую „природу.“ ⁴⁾ В другом месте Потебня так определяет содержание критики: „Если нам дан поэтический образ, то мы спрашиваем себя, во-первых, какой тот круг идей, наблюдений, мыслей, замечаний, восприятий, из которого возник этот образ. Он мог возникнуть из непосредственных наблюдений, он мог возникнуть из предания, то-есть при помощи других образов. К этому вопросу о происхождении образа относится и другой вопрос, именно, о степени удачности, вер-

1) Потебня. «Из записок». Стр. 32.

2) Потебня. Из лекций по теории словесности. Стр. 99.

3) Потебня. Из записок по теории словесности. Стр. 28.

4) Потебня. Из записок по теории словесности. Стр. 38.

ности, с которой в поэтическом образе сохранены известные черты того круга мыслей, который лежит в основании его. ¹⁾

Таким образом, критика, как всякая наука, говорит о свершившемся; она лишь закрепляет сознанием то, что сделано поэтом. ²⁾ „Объяснять состав и происхождение внутренней и внешней формы“ ³⁾—вот задача критики. Можно было бы умножить количество определений критики, данное Потебней в его записках, но и приведенные с достаточной полнотой развертывают перед нами ее содержание.

Постараемся лишь систематизировать.

Перед критиком стоит задача исследовать в первую очередь материал, послуживший базой для создания поэтического произведения, причем это исследование должно вестись под углом зрения уже созданного образа: необходимо при изучении материала исходить от творческого факта, данного в языковой форме. Путь сравнения между *a* и *A* и изъятия из *A* необходимых для понимания *a* сведений—таков первый этап работы критика. Сюда входит выявление духовного облика поэта, накладывающего свой отпечаток на произведение и не только, конечно, лирического, но и этического свойства. (Кстати сказать, с точки зрения Потебни, эти два вида—скорее свойства поэзии, зависят лишь от акта творчества, от окраски свойства). Сюда входит указание на связь с прежде познанным образом, здесь имеется в виду характер восприятий поэта (смотри гиперболитичность Гоголя), что в значительной мере определяет содержание образов. Проследить генеологию последнего,—одна из задач критика. Но здесь необходимо отметить, что критик в воссоздании генеологического родства исходит из *a* к *A*, тогда как в акте поэтического сознания происходит обратное явление. Художник, побуждаемый *X*, из колыбели *A* воссоздает *a*.

Вторым моментом критики является морфологизирование *a*. Если прежде соотношение этого *a* с *A* рассматривалось в совокупности всех поэтических образов данного произведения и указывалось на его генеологию, то затем истолкователь произведения переходит к расслоению последнего на составные части, устанавливает их взаимоотношения и производит этимологические изыскания в том же духе, как это делалось первоначально над всем произведением. Пред читателем, таким образом, проходит посередно генеология расчлененного произведения, отдельных его образов: процессе анализа все более и более уясняет свойства и характеры этих последних, что

¹⁾ Потебня. Из лекций по теории словесности. Стр. 100.

²⁾ Из записок. Стр. 36.

³⁾ Ibidem. Стр. 57.

дает возможность читателю понять не только морфемы данного художественного произведения, но и совокупность их — синтаксис в этимологическом освещении.

Третьим моментом работы критика является осознание X — певода к созданию произведения, мотивов лирического экстаза. Это X, неясное и для самого автора, называется то диким бредом (Лермонтов), то „умственной хворью“ (Тургенев), то „творческим недугом“ (Пушкин), но всегда чем-то таким, что вполне не может осознать и сам поэт. Тем труднее подойти, с точки зрения Потебни, к определению этого X критиком. Где причина лирического экстаза? Где тот „личный певод“, который послужил основой поэтическому творчеству? Как элементы A под влиянием X превращались в a Вопросы эти остаются без исчерпывающего ответа. Но приблизиться к их разъяснению возможно. Остановимся на двух — трех приводимых Потебней примерах. Стихотворение А. Пушкина „Узник“. ¹⁾ Что побудило Пушкина к его созданию? Почему возникла такая красочная полная трагизма картина, и с чем она ассоциирована? Присматриваясь к времени написания Пушкиным данного стихотворения, можно судить о его настроении, о его порывах к свободе и даже мечтах о побеге за границу. Но непосредственных стимулов к созданию картины „Узника“, частностей, ближайших к образу, мы определить не можем ²⁾. То же можно сказать о другом стихотворении А. Пушкина — „Песнь о венце Олега“. Вот что говорит Потебня о нем: ³⁾ „Песнь о вешем Олеге“ (1822) имеет отношение к Пушкину и императору Александру 1-му (после наполеоновской войны): „Твой шит на вратах Цареграда... Разговор волхва с князем: „Волхвы не боятся“ и проч.

Пушкин не раз ставил себя в подобие положение (смотри: Возбуждаемый разговор с императором Александром Павловичем (в середине 1825 года). Издание общ. V 37). Но и только. Это лишь подход к выяснению X, но не его полное истолкование. Здесь нет указаний, почему с соответствующим состоянием души поэта сочеталась яркая пластически выполненная картина из жизни древней Руси: здесь (приводим слова ближайшего ученика Потебни — В. Харчиева), „частностей, ближайших к образу, мы не можем определить“, не можем определить и того, почему по такому пути пошло указанное преобразование мысли поэта. Но, несмотря на это, все

¹⁾ Вопросы теории и психологии творчества, т. II, в. 2. Ст. В. Харчиева. Основы эстетики. А. А. Потебни.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Из записок. Стр. 48.

же необходимо подходить к определению, по Потебне, „известной“ величины X.

Выше говорилось о процессе создания поэтического произведения, и, главным образом, останавливались на внутренней его форме. Но с ней необходимо сочетается и форма внешняя. Она — эта форма не есть нечто вполне отделимое от содержания, а относится к нему органично, как форма кристалла, растения, животного к образовавшим ее процессам.¹⁾ Поэтому и она во времени и пространстве имеет свою историю. Настоящее время делает невозможным появление на художественной выставке, вместо леса, дуга, гор, неба, какие мы теперь видим, даже на посредственных картинах, олеографиях, даже грошевых эстампах, тех деревьев из отдельных листиков неизвестной природы или тех метелок того детского маршала, которое выдается за изображение природы на лучших картинах XVI—XVII, даже XVIII веков. В той самой ли мере или нет, но искусство изображать человека подвинулось вперед. То же и в поэзии. Художественность образа и эстетичность впечатлений, будучи постоянно принадлежностью искусства, есть величина чрезвычайно изменчивая. Что не художественно для нас, то в иных случаях было так во для тех состояний, из коих мы выросли. Мы сами в детстве бывали в восторге от кукольного театра, о впечатлении настоящего и очень плохого мопси бы сказать словами послов Володимировых, пораженных „красотою церковною“: „невемы, на небе ли есмы или на земли?“²⁾

Потебня, следовательно, останавливаясь и на форме произведения, отмечает: „поэтичность языка, т. е. образность отдельных слов и постоянных сочетаний“.³⁾ О поэтичности языка, его наглядности говорить не приходится: на нем задерживалось наше внимание выше припомним такие образы-слова, как „чугунка“, „холера идет“. Два слова о сочетаниях. Слова: гаснуть и веселье для нас безобразны, но „безумных лет угасшее веселье“ заставляет представлять веселье, угасшим светом, что лишь случайно совпадает с образом этимологически заключенным в этом слове (скр. вас—светить).

Потребность поэтической мысли в конкретных представлениях произвольно рождает и вые живые образы, и там, где нет наглядности в слове, появляются сложные сочетания, восстанавливающие чувственную, возбуждающую деятельность фантазии в сторону слов (у Потебни). Свойства поэтического мышления дают нам неизмеримое количество примеров таких сложных словесных сочетаний из ныне безобразных слов, сочетаний, пред-

¹⁾ Из записок. Стр. 108.

²⁾ Из записок. Стр. 108—109.

³⁾ Ibidem, 104.

ставляющих чувственные образы. Отметить свойства таких сочетаний, таких поэтических приемов мышления, их органическую связь с внутренней формой данного образа—настоящая задача критика.

Таковы основные задачи критического анализа, или понимания поэтического произведения, народного и литературного.

Какими же должен пользоваться критик методами при своем анализе? Ответ на только что поставленный вопрос вытекает из утверждаемого Потебней положения, что поэзия—факт языка. Естественно поэтому пользоваться при анализе этих фактов такими же методами, что и при лингвистических изысканиях. Если Гумбольдт указывал на содержание—идею лингвистики как науки, то Бопп и школа сравнительного языкознания дала метод. Метод, занятый над лингвистическими явлениями, сводясь к анализу языкового факта, требовал настоячивых указаний в своем генеалогическом родстве, требовал сопоставлений с аналогическими фактами других языков. Психофизиологическая биогенетика данного явления, комментирование самого явления, метод построений в динамическом аспекте и необходимость найти причинную зависимость между фактами,—вот тот методологический подход, к которому присущи были изысканиям в области лингвистики. Этими методами логическими выводами из области научного языкознания широко пользовался Потебня при своих поэтических изысканиях. Его ученики, особенно Горнфельд и Овсянко-Куликовский методы эти узаконили в критической литературе.

Сопоставляя основные моменты анализа Потебней поэтических произведений со стадиями художественного творчества, становится очевидным, что критик и поэт оперируют сходными фактами и задерживают свое внимание на одних и тех же этапах мысли. Критик как бы следует за процессом художественного мышления. Но дадим Потебне самому комментировать это. Правда, в приводимой ниже цитате говорится о слове, но это применимо, конечно, и к целому художественному произведению, ибо, во-первых, слово само по себе может быть художественным произведением, например, повторенное уже выше слово „чугунка“, а во-вторых, поэтическое произведение—только сложное образное слово. Потебня говорит, что „процесс создания слова или поэтического образа вполне аналогичен с процессом понимания того и другого; то-есть, когда мы понимаем услышанное от другого слово или поэтическое произведение, то в нас непременно возникают те же самые три элемента, но только в другом порядке. При создании поэтического произведения в то самое мгновение, когда *X* объясняется посредством *A*, возникает и *a*. При понимании же слушателю или читателю дан прежде всего знак, то есть *a*;

но мы опять этот знак должны объяснить запасом нашей прежней мысли, т. е. А. Для нас а должно послужить указанием на наше познаваемое, то есть на Х. Из этой аналогичности акта творчества и акта познания вытекает то, что мы и можем понимать поэтическое произведение настолько, насколько мы участвуем в его создании¹⁾. Хотя это парадоксально²⁾, но все же естественно, ибо понимание состоит не в перенесении содержания из одной головы в другую, а только в том, что в силу сходного строения человеческой мысли, какой-нибудь знак, слово, изображение, музыкальный звук—служат средством преобразования другого самостоятельного содержания, находящегося в мысли понимающего³⁾. И дальше: „личность поэта, те процессы, которые совершаются в его душе, насколько они могут быть нам известны, для нас представляют высокий интерес потому, что они суть в сущности процессы нашей души, души тех, которые понимают и пользуются поэтическим произведением. Личность поэта исключительна лишь потому, что в ней в большей сосредоточенности находятся те элементы, которые находятся и в понимающем его произведении“⁴⁾.

Только что приведенные положения, повторяемые весьма часто Потебней, говорят и о том, что критику приходится, восстанавливая до некоторой степени процесс творчества поэта, истолковывать акты этого творчества, вылившиеся уже в факты языка. Только исходной точкой для истолкователя явится а.

Истолкователи бывают двух типов: одни заняты созданием теории поэтического творчества—теории поэзии, другие—разъяснением художественных произведений—критикой. Придерживаясь учения Потебни, укажем, что теоретик поэзии и критик оперируют одними и теми же фактами, о чем говорилось уже не раз; у того и у другого одна и та же исходная точка—а, один и тот же процесс мысли. Разница только количественная: теоретик поэзии обобщает факты поэтического творчества и выводит из них законы. Критик не идет дальше произведений одного поэта. Обобщая дальше, он вторгнется в сферу теоретика поэзии. Грань между этими двумя сферами установить едва ли возможно, ярким примером чему может служить сам Потебня. В лекциях по теории словесности, где он ведет речь о басне, пословице и поговорке, кем является он сам? Теоретиком поэзии? Критиком?... На это можно ответить, перечитав „Записки по теории словесности“, где поэтика так че-

1) Из лекций, стр. 136.

2) Ibidem, 136.

3) Ibidem, 135, 137.

4) Ibidem, 137.

редуется с критикой, что их невозможно отделить друг от друга благодаря органической связи.

Грани стираются: качественное отличие нивелируется; остается количественное. Разъединяют только выводы: у одних схематический облик коллективного поэта, у других—живой литературный образ в процессе своего творчества, будь то отдельный поэт или поэт-коллектив (народная поэзия).

До сих пор шла речь о поэтическом произведении, его жизни, его понимании. Но для более яркого представления критики—понимания, как ее мыслил Потебня, необходимо расширить круг вопросов, которыми мы оперируем, и остановиться на отношении поэзии к языку. Ведь этот последний дает жизнь поэзии. Поэзия является лишь его функцией. Это тем более необходимо, так как нельзя представить истолкователя тех или других функций без знания природы этих функций. Уступим снова и снова место Потебне.

„Язык можно сравнить с зрением. Подобно тому, как малейшие изменения в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дают другие восприятия и этим влияют на все мирозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особые комбинации элементов мысли. Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем незаменимо.

Человек, говорящий на двух языках, переходя от одного языка к другому, вместе с тем изменяет и характер и направление течения своей мысли, притом так, что усиление его воли лишь изменяет колею его мысли, а на дальнейшее течение влияние ее лишь посредственно. Это усиление может быть сравнено с тем, что делает стрелочник, переводящий поезд на другие рельсы. Это сознавалось с большей или меньшей ясностью уже давно, в посвящении грамматики Ломоносова. И наоборот, если два и несколько языков довольно привычны для говорящего, то вместе с изменением содержания мысль невольно обращается то к тому, то к другому языку. Мне кажется, это можно наблюдать в некоторых западно-русских грамотах, в коих, смотря по содержанию речи, выбивается наверх то польская, то малорусская, то церковно-славянская струя. Это же явление составляет реальное основание Ломоносовского деления слога на возвышенный, средний и низкий.

Примером того же служит двуязычность высших классов русского общества ¹⁾.

„Ф. И. Тютчев служит превосходным примером того, как пользование тем или другим языком дает мысли то или другое направление, или наобо-

¹⁾ Мысль и язык, 194.

рот, как в предчувствии направления, которое примет его мысль в следующее мгновение, человек борется за тот или другой из доступных ему языков. Два ряда умственной деятельности идут в одном направлении, переплетаясь между собой, но сохраняя свою раздельность через всю его жизнь до последних ее дней. Это, с одной стороны, поэтическое творчество на русском языке, с другой—мышление политика и дипломата, светского человека в лучшем смысле этих слов—на французском¹⁾.

Тютчев представляет поучительный пример не только того, что различные языки в одном и том же человеке связаны с различными областями и приемами мысли, но и того, что эти различные сферы и приемы в одном и том же человеке разграничены и вещественны. Во время предсмертной болезни, с половиной тела, пораженной параличом, Тютчев почти до смерти сохранял способность к блестящей французской речи и живой интерес к политике. Раз, после продолжительного обморока, первыми словами его были: „какие последние новости из Хивы“. Между тем власть над стихом и чувство стихотворной меры оставили его гораздо раньше. Он порывался слагать стихи, но ничего не выходило²⁾.

Потебня приводит ряд подобных иллюстраций, свидетельствующих об органической связи поэзии с языком. „Дух народа отражается только в своем родном языке“, говорит Потебня и спешит свое положение подкрепить следующим доводом Гумбольта: „никакой народ не мог-бы оживить и оплодотворить чужого языка своим духом, без того, чтобы не преобразовать этого языка в другой“³⁾.

Отсюда вывод. Критик должен рассматривать художественные произведения сквозь призму народности, характеризующуюся языковой общностью.

Не лишним будет здесь разграничить понятие о народности с понятием национальности, которые нередко отождествляются. „Идея национальности, говорит Потебня, есть частью известное содержание мысли, частью общее душевное настроение личности, кружка общества, иногда, в редкие критические минуты народной жизни—значительной части народа. В этом смысле эту идею мы видим везде, где в народе, под влиянием враждебного столкновения с другими народами, возникает опотеоза известных народных признаков и где на знамени пишется нечто вроде: „с нами бог, разумеете языки и покоряйтесь“ или „с нами цивилизация,“ и потому опять-таки покоряйтесь. „Идея национальности есть всегда род мессианизма“⁴⁾.

1) Ibidem, 196.

2) Ibidem, 197.

3) Ueber die Verschiedenheit, 20, 8.

4) Мысль и язык. Стр. 209-210.

Естественно, с точки зрения идеи национальности, нельзя рассматривать поэтические произведения. Это значило бы подходить к их анализу нередко с переменной величиной, так как свойство этой идеи видоизменяется во времени и пространстве и к тому же всегда чуждо духу произведения, колыбелью которого является язык—народность.

Лингвистическая теория удерживает критика еще от одной идеи—идеи общечеловеческой. Такая идея мифологична уже по одному тому, что при внимательном анализе ее содержания получается фикция, да к тому же и противоречит выше принятой системе лингвистического подхода к пониманию произведений: ведь нет ни одной грамматической категории, обязательной для всех языков.

Критик, таким образом, обязывается рассматривать поэтические произведения не с точки зрения мысли—миросозерцания отдельного класса, кружка или общества, а с точки зрения народности, которая дает и внутреннюю и внешнюю форму художественному образу и, поэтому, является органически слитою с ней.

Подводя итоги сказанному о задачах критики в понимании ее Потебней, необходимо только подчеркнуть те требования, которые эти задачи предъявляют к субъекту их выполнения.

Художественное произведение, как и человек, есть микрокосм¹⁾. Но опять предоставим слово Потебне.

Художественное, в частности поэтическое произведение, подобно человеку, растению, животному, является средоточием обширного круга наук. На поэтическое произведение можно смотреть с точек зрения, которые можно сравнить с точками зрения химии, морфологии, физиологии. Элементарный морфологический состав поэтического произведения и его действие, подобно всему существующему, имеет свою историю²⁾. Все это говорит за сложность поэтического произведения и предъявляет ряд серьезных требований к эрудиции критика.

Потебня, пробегаая историю нашей критики, да и не одной только нашей, но и западно-европейской, с грустью констатировал: „Великих критиков нет, но великая критика есть“³⁾ и второе: „замечательные критики более редки, чем замечательные художники и поэты“²⁾, и дальше: „Это справедливо и относительно русской словесности“³⁾. Приводимые утверждения Потебни обязывают истолкователей поэтических произведений, согласно с выше-

¹⁾ Из записок. 110 стр.

²⁾ Из записок, стр. 110.

³⁾ Ibidem, стр. 110—111.

развитой системой, с особенной осторожностью относиться к анализу художественного творчества и постоянно увеличивать запас своего А, как то делают и поэты при создании своих произведений.

Снова и снова дороги поэта и критика сходятся.

Говоря о критической системе Потебни, необходимо остановиться еще на одном вопросе, рассмотрению которого Потебней уделено так много внимания—вопросе о жизни поэтического произведения в душе читателя. Может ли образ непосредственно влиять на читателя, как то утверждали современники Александра Афанасьевича. Потебня утверждает противное. Вспоминая слова Гумбольта, что в душе нет ничего, кроме созданного ее самостоятельностью, он говорит: „Пламя свечи, от которой зажигаются другие свечи, не дробится; в каждой свече воспламеняются свои газы. Так, при понимании мысль говорящего не передается слушателю; но последний, принимая слово, создает свою мысль, занимающую в системе, установленной языком, место сродное с местом мысли говорящего. Думать при слове именно то, что думает другой, значило бы перестать быть самим собой. Поэтому понимание в смысле тождества мысли в говорящем и слушающем есть такая же иллюзия, как и та, в силу коей мы понимаем собственные ощущения за внешние предметы ¹⁾. Поэтому, добавляет также Потебня словами Гумбольта: „всякое понимание есть вместе и непонимание; всякое согласие в мыслях—разногласие“.

„Таким образом, утверждение, что сочетание и полное соответствие образа и идеи находятся в самом художественном произведении, есть миф ²⁾“.

„Поэтический образ в каждом понимающем и в каждом отдельном случае понимания вновь и вновь создает себе значение. Каждый раз это сознание (конечно, не в чудесном смысле рождения из ничего, а в смысле известной кристаллизации находящихся в сознании стихий) происходит в новой среде и из новых элементов“ ²⁾. И далее: „х (значение поэтического образа) заметно изменяется при каждом новом восприятии а (образа) одним и тем же лицом, а тем более другим; между тем а (образ), единственное объективное данное в поэтическом произведении, при восприятии остается приблизительно неизменным. Поэтому, в противоположность отношению закона и факта, в поэзии образ неподвижен, значение изменчиво, определимо лишь в каждом отдельном случае, а в ряду случаев безгранично“ ³⁾.

¹⁾ Из записок, стр. 27.

²⁾ Ibidem, стр. 57.

³⁾ Ibidem, 101.

Редакций вышеназванных суждений у Потебни очень много, что свидетельствует о том, что он весьма пристально изучает этот вопрос. Он проверял Гумбольтовское положение, что слово, равно как и каждое произведение искусства, не *ergon*, а *energeia* и благодаря свойству *x*, присущему читателю поэтических произведений, у него создается новый образ, с новым содержанием—идеей. По своему обычаю, Потебня проверял и это свое суждение на ряде примеров. Приведем из них некоторые.

* Часто Потебня вспоминал произведение Пушкина „Анчар“—это растущее в пустыне древо яда, дыхание которого было смертельно для всех. Один царь посылает раба за веткою дерева. Последняя царю доставлена, но выполнение этого приказа было сопряжено со смертью раба. Что было тем *x*, которое вызвало лирическое движение в душе поэта? ответом на какой вопрос явился „Анчар?“—сказать определенно не представляется возможным. Потебня предполагал мотивы политического характера, тем более, что стихотворение это было напечатано без разрешения императора. Таким образом, что хотел сказать Пушкин названным произведением—неизвестно. Но вот это стихотворение слушает одна провинциальная барышня—Маша из Тургеневского „Затишья“, человек вдумчивый и прямой. Под влиянием своей любви к ветреному Веретьеву, которому она постоянно прощала его непостоянство, Маша так приблизительно восприняла „Анчара“: в любви нет равенства: я, точно рабыня, а Веретьев—царь. Маша не могла перенести этого, тем более, что стихотворение она слушала в тот период ее переживаний, которые были сопряжены с равнодушием Веретева. Поэтический образ она применила к своей жизни. Результат: бросается в пруд и тонет.

Приходилось слышать и другое применение данного стихотворения Пушкина. Вместо Тургеневского „Затишья“—красноармейские курсы, вместо провинциальной девушки ей ровесница библиотечарша какой-то войсковой ячейки. „Анчар“ на нее произвел большое впечатление: она восторгалась, как образно Пушкин мог представить читателю „классовые противоречия“, существовавшее при царизме неравенство, когда представитель власти, по собственному своему капризу, мог посылать подчиненных рабов даже на смерть. В трактовке библиотечарши, тоже Маши, Анчар жил совсем другой жизнью, чем то было у Маши из „Затишья“.

Образ поэтический тот же, что был у Пушкина в момент создания, но Тургеневской девушке он говорит одно, красноармейской библиотечарше—другое. „Образ остается неизменным, применение, толкование его различно“—такова формула Потебни.

Вот еще указываемый Потебней пример—Карамзинская „Бедная Лиза“¹⁾. Общеизвестно, что много девушек, в результате применения этого образа к себе в период аналогичных тягостных переживаний, кидаясь в Лизин пруд, кончали жизнь самоубийством. Одни, как профессор Цветаев, ходили к Лизинному пруду, запасшись чистыми носовыми платками, плакать; другие смеялись над подобными явлениями, так что один шутник на коре одной из близ растущих к пруду берез написал эпigramму:

„Здесь бросилась в пруд Эрастава невеста...
Топитесь девушки, в пруде довольно места“.

Еще пример, приводимый учеником Потебни, со слов своего учителя:

„В марте 1862 года „Отцы и дети“ явились в „Русском Вестнике“. Тургенев вспоминает про это событие с некоторой болью и говорит, между прочим, следующее: „Не стану распространяться о впечатлении, произведенном этой повестью: скажу только, что когда я вернулся в Петербург, в самый день известных пожаров Апраксинского двора—слово „нигилист“ уже было подхвачено тысячами голосов, и первое восклицание, вырвавшееся из уст первого знакомого, встреченного мною на Невском, было: „Посмотрите, что Ваши нигилисты делают... Жгут Петербург“. Я испытал тогда впечатление, хотя и разнородное, но одинаково тягостное. Я замечал холодность, доходившую до негодования, во многих мне близких и симпатичных людях; я получал поздравления, чуть не лобзания от людей „противного мне лагеря, от врагов“²⁾).

Приведенные уже факты дают возможность утверждать, что у каждого читателя происходит акт творчества, подобный тому, что и у автора поэтического произведения, но только этот процесс, как и выяснилось выше, в силу другого *x*, дает и другое применение. Таким образом, понимание поэтического образа всегда субъективно: оно состоит в ряде его применений, что говорит об ошибочности утверждений относительно идейности художественного образа. Последний обобщает комплексы порой разнородных явлений, сводя их к двум—трем образам, что ведет к экономии мысли, но он непосредственно этой мысли не передает. Образ становится лишь сказуемым при новых и новых подлежащих, появляющихся в актах познания у раз-

¹⁾ Мирный труд. 1902 IV. Ст. Савинова „Влияние и применение поэтических образов“ стр. 104.

²⁾ Ibidem. стр. 105.

личных лиц, читающих художественные произведения и „непроизвольно“ применяющих их к себе.

„Жизнь поэтического образа и заключается в этой бесконечности применений при относительной неподвижности образа, применений, о которых автор и не думал“, говорит Потебня ¹⁾. В некоторых случаях можно положительно доказать, что художественное произведение или известный цикл произведений оказал влияние на весь строй общества, что длинная цепь применения поэтических образов, не входивших совершенно в намерение авторов, приводило к явлениям жизни, с их точки зрения нежелательным. Можно указать, что автор, во время своей творческой деятельности, заботился лишь об утолении потребностей своей души, состоящих в том, о чем говорит Пушкин: „личное впечатление, переживания властно требовали выражения, эти душевные волнения причиняли страдания, и только путем создания поэтических образов может сам автор исцелить свой недуг, освободиться от гнетущей его тоски, при этом он заботится об усовершенствовании лишь себя, изменяя свое мировоззрение, преследует личные цели, пишет историю своей души, и что в этом его спасение. А затем наступает пользование его произведением,—жизнь иногда бесконечная, в которой автор неповинен, так как ближайшая цель автора и пользование художественным произведением совершенно могут расходиться“.

Такова жизнь художественных произведений в душе, сознании читателей. Критик не останавливается на данной жизни—это не его область. На обязанности его лежит только правильное распознавание хода поэтического творчества, генеология отдельных образов в художественном произведении, их исторической и психологической достоверности. Только анализ такого рода, о котором выше уже обстоятельно говорилось, даст возможность читателю приблизиться к пониманию произведений поэзии, аналогичному тому, что было и у самого поэта в момент его вдохновенного творчества.

Какую роль сыграла в истории литературы критической мысли развитая выше система Потебни?

Она резким диссонансом звучала среди современной ей художественной критики. В шестидесятых—восьмидесятых годах ее основным мотивом была общественная значимость произведения, точнее—жизнь его среди читателей с той целью, чтобы непроизвольно возникало у последних под влиянием литературных образов чувство протеста против современного им общественно-экономического уклада российской жизни. Добролюбов и Чернышевский,

¹⁾ Цитирую по статье Харциева * * в „Вопросах“ Б. Лезина (т. II, в 2): Основы эстетики А. А. Потебни, стр. 84.

Михайловский и Венгеров, Скабичевский и Пыпин давали тон журнальной критике, и заветы их долгое время были неоспоримыми в литературе. Служение народу, служение всем униженным и оскорбленным возводилось в догму поэтического творчества. Вопросы психологии этого последнего вопроса художественной сущности акта творчества, связь его формы с содержанием не привлекали особенного внимания теоретиков в области литературы. Это, конечно, и понятно, так как названная эпоха была временем усиленного общественного строительства и залечивания ран, которые нанесены были крепостничеством и особенно резко выявились, главным образом, благодаря Крымской кампании.

В стенах академического учреждения, к тому же находящегося не в центре общественной и политической жизни государства, человеку, мышление которого так привыкло к абстракции, естественно были чужды рассуждения современных критиков и даже совершенно непонятны.

Потебня не смог определить социологической сущности журнальной критики. Он, ушедший в академическую работу, не мог понять идеологии разночинца, овладевшего в то время российской литературой.

Естественно, поэтому, что по адресу тех, кто во имя практических требований объявлял войну художественности или мало обращал внимания на талантливость выполнения, кто подходил к анализу художественных произведений со стороны их содержаний (социологического эквивалента) или идейной ценности, силе импрессии в интересах пропагандистско-агитационного свойства,—Потебня нередко направлял соответствующие выводы из басни Крылова „Свинья под дубом“ ¹⁾. Чтобы не быть одиноким, он подкреплял свое мнение рядом ссылок на отдельные места Гетевских „Sprüche“, которыми так любил пользоваться для иллюстрации своих мыслей. Вот одна из этих цитат (Sprüche, 81), приводимая Потебней ²⁾:

Sie wolten dir keinen Beifall gönnen,
Du warst niemals nach ihrem Sinn.
—Hätten sie mich beurtheilen können,
So wär, 'ich nicht, was ich bin.

С наименьшей силой Потебня нападает и на тех журнальных критиков, которые стремятся растолковать социологическую сущность художественного произведения. Особенно это касается Добролюбова и тех, кто являлся суб-

¹⁾ Из записок, стр. 58.

²⁾ Ibidem.

ектом литературно-критического течения, известного под названием „критика по поводу“. В этих истолкованиях Потебня видел непонимание процесса творчества и стремление навязать автору свое—критика—мышление в связи с выводимыми в произведении явлениями. По адресу, например, Добролюбова с его „Темным царством“ Александр Афанасьевич, повторяя слова журналиста М. Языкова из „Дела“¹⁾, говорит: он, Добролюбов, „унес с собою на облака Островского, который никогда не предполагал улететь так высоко“. В данной статье Добролюбов, говорит там же Языков—Потебня повторил басню Крылова: „Орел и паук“, где, конечно, орел-автор „Темного царства“, а паук-автор драматических произведений из „Темного царства“.

Приводимые факты с достаточной убедительностью свидетельствуют об отношении Потебни к социологической и просветительной критике его современников.

С большей осторожностью и терпимостью относится Потебня к великому предшественнику указанной выше плеяды российских критиков второй половины XIX столетия. Белинский (речь идет о нем) часто цитируется в записках Потебней, и, конечно, последний, не разделяет философских основ критики Белинского, равно как и Чернышевского.

Первый называет поэта „органом действительности“, что отмечается Потебней²⁾, а второй не советует выходить за пределы „фактов реальности“. Но эти факты действительной прозаической жизни в произведениях художников слова обладают какой-то особой привлекательностью: „автор *поэтизирует* самые *прозаические вещи*“. Вот еще приводимые Потебней цитаты из произведений Белинского: Пушкин употребил стих: „Но тын оброс крапивой дикой“..... Из прежних поэтов едва ли бы кто не испугался пошлости и прозаичности этого слова: „тын“. (VIII. 325). *Есть прозаические предметы*³⁾: заметим еще его (Пушкина) удивительную способность делать поэтическими самые прозаические предметы. Что, например, может быть, прозаичнее выезда на санях франта.. в сюртуке, с бобровым воротником..... Но у Пушкина это поэтическая картина:

„Уж темно; в санки он садится;
Пади, пади, раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник“.

¹⁾ „Дело“ 1875 VII Н. Языков. „Нехудожественный роман“ Муромского. С некоторыми изменениями приводит Харцнев указанный пример „Из записок“ на стр. 59.

²⁾ Из записок стр. 46.

³⁾ Потебня. Из записок стр. 60.

Еще один пример: „Никто из русских поэтов не умел с таким непостижимым искусством spryskivaty живою водою своей творческой фантазии немножко дубоватые материалы наших народных песен. Прочтите: „Жениха“, „Утопленника“, „Бесов“, „Зимний вечер“, и вы удивитесь, увидя, какой очаровательный мир поэзии умел вызвать Пушкин своим волшебным жезлом из таких скудных стихий. (VIII, 404) ¹⁾.

Таким образом, на основании приводимых Потебней цитат из Белинского, делается вывод, что художественному творчеству свойственна поэтизация действительности: „ландшафт, созданный талантливым живописцем, лучше всяких живописных видов в природе“ (IV, 269) ²⁾, еще раз цитирует Белинского Потебня, и дальше: „исторический роман Вальтера Скотта в отношении к нравам, обычаям, колориту и духу известной страны, *достовернее* ³⁾ всякой истории ⁴⁾. (IV-271).

Потебня решительнейшим образом протестует против такого отношения эстетики к действительности: „искусство и природа несоизмеримы“, говорит он. „Поэзия (искусство), как и наука, есть *толкование действительности*.“ ⁵⁾ Поэтому взгляды о поэтизации обыденно прозаических явлений, как то видели у Белинского (это относится и к Чернышевскому), являются непродуманными. По их адресу Потебня заявляет: „Детская заносчивость этих мнений может быть лишь отчасти оправдана верою в способность априорной философии к идеальному построению мира“. ⁶⁾ О Чернышевском с большей резкостью заявляется: „Чернышевский трактовал об отношении искусства к действительности, не умея даже поставить вопроса ⁷⁾. Вопрос-же о том, кто *достовернее*: поэт или историк,—даже ставить нельзя. Прав Гете, когда говорит: ⁸⁾

Die frage: wer höher steht, der Historiker oder der Dichter. Darf dar nicht oüfgeforfen werden; sce konkourieren nicht miteinander, so wenig als der Wettläufer und der Faustkämpfer. Jedem gebührt seine eigene krone“.

Как же воспринималась эта действительность?—Белинский заявляет: „Народность, чтобы отразиться в поэтическом произведении, не требует та-

¹⁾ Из записок. Стр. 50.

²⁾ Курсив Потебни, как и выше.

³⁾ Ibidem 63.

⁴⁾ Ibidem 66.

⁵⁾ Ibidem 67.

⁶⁾ Из записок 50.

⁷⁾ Рукопись-рецензия на работу Н. Ф. Сумпова об Одоевском.

⁸⁾ Göthe Sprüche. У Потебни „из записок“ 63-64.

кого глубокого изучения со стороны художника, как обыкновенно думают. Поэту стоит только мимоходом взглянуть на ту или другую жизнь, и она уже усвоена им" (I. 222) или: „и все это не придумано, не описано с рассказов или с действительности, но *угадано* (курсив Потебни как и далее) чувством в минуту поэтического *вдохновения* ¹⁾ (Ib. 217). Подобное восприятие, получаемое поэтом от действительности, также вызывает резкую отповедь Потебни: „Хорошо говорить об откровении тому, кто вмешивает в дело поэтического творчества божество“, заявляет харьковский профессор по адресу критика—Белинского.

Иначе и быть не могло, так как Белинский и Чернышевский критику понимали, как оценку произведения, в котором читателям передается поэтизированная действительность, а не понимание процесса поэтического познания и его акта, как лингвистического явления. Исходные их точки с теми принципами, на которых покоится критическая система Потебни, совершенно отличны друг от друга, а порой и резко противоположны.

Сопоставляя с одной стороны Белинского и Чернышевского, с другой Добролюбова и Михайловского с Потебней, приходится констатировать, что среди современной ему критики и заветов Белинского Потебня был одинок. Но одиноким не остался: он революционизировал литературно-критическую мысль. Правда, общественно-политические условия ему благоприятствовали: восьмидесятые и девяностые года были временем реакции, затишья от боевых вопросов и можно было спокойно заняться самоанализом. В это время система Потебни, возведенная его учениками, получает постепенно права гражданства в литературе. Венгеров и Иванов-Разумник являются последними мегиканами, Овсянко-Куликовский и Горнфельд, воспитанные на лингвистической системе Потебни, в этой борьбе вытесняют первых. Данному явлению много способствовала и литературно-критическая мысль, проявлявшаяся в марксистских журналах „Дело“, „Жизнь“, „Правда“. Критики-марксисты, исходя из совершенно других принципиальных положений, углубляли точку зрения Потебни в том отношении, что они также останавливались на *A* и *a*, с классовой точки зрения подходя к качественной стороне *x*, отсюда эта же точка зрения и на *A*—апперципированный под классовым углом зрения запас знаний и навыков, и на *a*, как продукт классового творчества. Но в схеме литературной критики марксистских журналов схема Потебнинской системы была налицо; изменился лишь подход к явлениям: вместо лингвистическо-народного явился социально-классовой.

¹⁾ Из записок. стр. 48.

Потебня, таким образом, в области литературно-критической мысли явился революционером. Имя его в истории этой мысли характеризует поворотный ее этап, отзвуки которого и сейчас играют видную роль.

* * *

Р. С. Эскиз закончен. Материалом ему служили черновые записки Потебни, как опубликованные Харциевым, так и находящиеся еще в архиве Редакционного К-та Потебни. Был частью использован и другой материал— имеющиеся там же рукописи об Александре Афанасьевиче. В работе встречаются большие цитаты из набросков для лекционных занятий Потебни со студентами. Делается это с той целью, чтобы избежать суб'ективного понимания автором системы Потебни. С той же целью приводимые цитаты, например, из Белинского, брались из записей Потебни, а не подбирались автором данного эскиза самостоятельно. Автору хотелось, представляя суждения ученого непосредственно пред читателями, тем ослабить повторяемое Потебней положение Гумбольта: „всякое понимание есть вместе с тем непонимание“.

Анат. Машкин.

Потебня и наука истории литературы в России.

1.

А. А. Потебня никогда не занимался специально историей литературы. Но созданное им—это горная вершина: восходя, видишь многое, чего не различал у подошвы; не только места, лежащие у подножия с другой стороны—но и дороги в лесах, казавшихся непроходимыми, и море за городом, и новые цепи гор, уходящих в голубые туманы.

Потебня официально числится в ряду русских лингвистов. Но его лингвистика—особенная: его привлекает и история звуков, и история форм, и семаспология, и синтаксис—а рядом с ними и фольклор, и теория поэтического слова. У него универсальный ум: поистине, он один из предшественников грядущей науки, синтезирующей человеческие знания—той „организационной науки“, о которой напряженно думают в наши дни, но постройка которой принадлежит еще будущему.

Поэтому нет ничего неожиданного в утверждении, что для историка литературы, не занимающегося ни лингвистикой, ни фольклором—труды Потебни являются такою же настольною книгой, как для языковеда и этнографа. Молодая школа историков русской литературы, в последние десятилетия возникшая в разных центрах России и Украины—вся признает свою связь с работами Потебни, и этой связью гордится.

Мы имеем другой пример лингвиста, чрезвычайно много сделавшего для историко-литературной науки, может быть, именно благодаря своей лингвистической подготовке—в лице недавно скончавшегося А. А. Шахматова; подойдя к изучению летописных текстов с приемами, которыми он пользовался прежде при изучении древнейших эпох жизни русского языка—Шахматов произвел целый переворот в нашем понимании древнейшего периода русской литературы; вскрывая один пласт за другим, выделяя наслоения—он в той пустыне, какую пред-

ставлялся нам этот печальный период, показал целый ряд памятников, мимо которых мы проходили, их не замечая. То, над чем бился Бестужев-Рюмин, что считал невозможным Костомаров—осуществлено лингвистом Шахматовым.

Но значение Потебни для историко-литературной науки еще шире: Потебня не только дал метод, пригодный для работы в одной какой-нибудь, хотя бы и важной, области: он в сущности первый дал русским историкам литературы методологическую основу их построений, объяснил им предмет их занятий, помог им отыскать, наконец, собственное место в ряду других исследователей духовной культуры, определил надолго объем и направление их науки. Аналогичная (до известной степени) работа в той же области велась и западно-европейскими, особенно германскими учеными: но о результатах ее большинству наших ученых мало было известно; к сожалению, в области методологических построений у нас и до сих пор не прекращаются „самобытные“ умствования и любительские упражнения... Но опасность от них не столь велика—раз у нашей науки есть свой фундамент, не менее прочный: этот фундамент—труды Потебни, без знания которых историк литературы не имеет права считать себя ученым.

Для того, чтобы правильно оценить значение этих трудов для историко-литературной науки, посмотрим, чем была эта наука в России во времена Потебни, отметим, что нового внесено им в ее методологию, и как этим новым у нас воспользовались.

2.

Попытки построения общих обзоров истории литературы в России, если не считать „послужных списков“ Греча, критических опытов Полевого и Белинского, истории поэзии Шевырева (1835)—начинаются у нас с 40-х годов XIX-го века. С 1844 года Шевырев открыл свои чтения по истории русской словесности, в 1845 г. Никитенко выпускает свой „Опыт истории русской литературы; в начале 60-х годов выходят уже объемистые общие курсы истории русской словесности Ор. Миллера (не оконченный), Галахова (с 1803 г.) и, наконец, в 1870 г. „История русской словесности“ Порфирьева, до сих пор не везде вышедшая из роли авторитетного университетского учебника и часто являющаяся для будущих преподавателей литературы главным источником их теоретических и исторических знаний.

„Чтобы определить с точностью идею и значение истории литературы, надобно определить идею самой литературы“, правильно замечает Никитенко в начале своего остановившегося на введении „Опыта“ (стр. 10). И не менее привычно для нас в дальнейших строках он намечает два возможных пути определения: можно, основываясь на буквальном смысле слова „литература“, понимать под ней все произведения письменности и следовательно вводить в объем понятия весь круг человеческого мышления и творчества, выраженного в слове; но не правильнее-ли, признавая изучение литературы в таком беспредельном объеме немислимым, допустить необходимость известного отбора, выделения из этого „океана письменности“—литературы настоящей „в собственном и теснейшем смысле“? Как же выделить эту последнюю? Это „изящная“ литература, родная и старшая сестра Пластики и Музыки, это „мысль человеческая, возникающая у народа вместе с ним из его духа, жизни, исторических и местных обстоятельств и посредством слова выражающая свое народочеловеческое развитие под совокупным влиянием верховных и всеобщих идей истинного и изящного“ (24-25).

Определение звучит, конечно, несколько старомодно для нашего уха; это еще не беда, как и то, что оно не самостоятельно; беда в том, что с этим определением, чрезвычайно широким и чисто умозрительным, историку литературы по существу нечего делать. Таким же беспомощным является красноречие доктора философии.—Никитенки—и дальше, когда ему приходится провести грань между литературой и наукой поэзией и прозой, хотя и здесь он недалек от истины, но истина эта, как и везде, не ясна для него из-за метафизического тумана. Наука *ищет* истины, литература *стремится* к ней; наука, действуя в духе мысли, приносит и ей дань истины в виде мыслительном“, т. е. в виде отвлеченных понятий, чуждых непосредственного отношения к случаям и событиям эпохи; литература, напротив, исключительно посвящает себя этим отношениям и т. д.

Из этих предпосылок вытекает и определение истории литературы: это история мысли, история души народной в самых глубоких ее истинах, история основных убеждений, понятий и чувств народных, сохраняющихся в известном единстве, несмотря на все перевороты и потрясения.

Мы видим, что попытка как то ограничить объем понятия литературы в дальнейшем не привела ни к чему; история литературы

остается наукой беспредельной по своим задачам, и напрасно Никитенко называет ее необходимым пособием истории общей (48); на практике эта „общая история“ должна потонуть в истории частной, в истории мысли—и стать невозможной. Не от этого ли и автор „Опыта“ остановился на введении и не дал задуманной истории русской литературы, ограничившись главой о разделении ее на периоды?

Книга Никитенки взята мною, как характерный пример университетских чтений 30—40-х гг., вращавшихся в направлении метафизической эстетики. Большого влияния на развитие науки о литературе Никитенко, конечно, не имел; но если мы обратимся к писателю другого научному авторитету 40-х г., мы не найдем у него ничего резко отличного. Последователь Шлегеля и Жан-Поля, один из первых историков древней русской литературы, Шевырев, осуществивший благое намерение Никитенки в своих публичных лекциях, читанных в 1844-45 гг.—в своих определениях предмета и метода науки также не выходит из западни громких и внутренне-пустых слов, вне которых говорить о содержании науки еще ни кому не удастся. Шевыреву, конечно, известно забытое многими позднейшими нашими учеными положение о двояком изучении словесности—теоретическом (выяснение общих законов развития художественного слова) и историческом. В чем заключается последнее? В сопоставлении словесных произведений с общим потоком жизни народной, в объяснении их происхождения из этого потока и развития этой жизни в них же самих. Но все ли словесные произведения известного народа подлежат ведению историка? Что касается произведений русского слова (о других не говорится)—то, конечно, все, „по всем сферам духа человеческого, к какой бы из них произведение ни принадлежало“. Намеченная у Никитенки граница между поэзией и прозой здесь стирается—и, может быть, не без пользы для дела. Перспективы открываются самые заманчивые: „в истории русского слова мы будем рассматривать, как рождались и развивались постепенно душа и дух народа русского“, раскрывать эту душу в ее сущности—и в конце концов, отвечать на вопрос о той доле, которая предоставлена русскому народу во всемирном состязании о том, кто цельнее представит идеал человека?

Книга Никитенки, лекции Шевырева (печ. с 1846 г.), критические статьи Белинского да еще многочисленные руководства по теории словесности, понимаемой в духе либо догматической поэтики типа Лагарпа, либо в духе метафизической эстетики Гегеля—это книги,

которые могли быть в руках Потебни в его студенческие годы. В самом Харьковском университете лекции Костыря и Метлинского, если и отличались чем нибудь от книжных авторитетов—то едва-ли к своей выгоде. Широковещательный Костырь в истории научного развития Потебни памятен разве тем, что отметил будущего ученого, как не-исправного студента „нулем“ за непредставление обязательных сочинений; „добрый человек, но слабый профессор“, по стызу самого Потебни—Метлинский, если и оказал на Потебню влияние, то, конечно, не своими лекциями по теории поэзии и истории литературы. Но в таком же положении, как Харьковский студент Потебня, были и студенты столичных университетов. Шевырев был прекрасным оратором и мог зажигать сердца: но дальше красивых фраз о словесности, как выражении народного духа, методология истории литературы не шла.

С 60-х годов кадр историков русской литературы значительно расширяется. Наступает эпоха, представленная славными именами Буслаева, Тихонравова, Пыпина, не говоря об Ор. Миллере, Порфирьеве—а несколько позже—о Веселовском. Это эпоха, с авторитетом которой мы до сих пор считаемся и долго будем считаться. Целые области древней и новой литературы, не существовавшие для Шевырева—вдруг вошли в круг изучения и озарились светом; материал стал стремительно расти; рамки прежнего „философско-эстетического“ метода оказались обветшавшими и не выдержали. Еще Ор. Миллер в своем „Опыте исторического обозрения русской словесности“ (2-ое изд. 1865) пытается удержать и даже усугубить прежнее разделение литературных памятников: он делит их на памятники языка, письменности, словесности и литературы, разграничивает искусство слова (поэзию) от слова умственного (прозы), определяет литературу, как высшее проявление народной мысли, в свою очередь различая литературу „деланную“ от литературы самостоятельной и жизненной, какою является у нас, напр., устная словесность и творчество Пушкина и Гоголя. После него Галахов пытался удержаться на „эстетической“ позиции, но историческое направление возобладало, и после известной статьи Тихонравова—рецензии на „Историю русской словесности“ Галахова („Задачи истории литературы и методы ее изучения“ 1878) сделалось господствующим на долгие годы. Но при всех своих несомненных заслугах—сделало-ли оно понятнее общие методологические вопросы науки? История литературы стала отделом общей истории культуры; историк литературы из мастера стал помощником, работающим в той

же области, что и хозяин—но по менее достоверным документам, над материалом сомнительной доброкачественности—литературными памятниками. На практике работа многих даже даровитых, но не обладавших таким синтетическим умом, как, напр., Буслаев, стала сводиться к собиранию и описанию бесконечных материалов, к изучению редакций и вариантов—и только. О, конечно, все это важно, чрезвычайно важно—но только тогда, когда знаешь, зачем это делаешь. Между тем, вопрос о том, что же такое наука, которой они занимаются, для многих историков русской литературы стал вопросом второстепенным, несущественным, вопросом, от которого отделялись общими местами: история мысли, история идеалов народа, история общественного самосознания и тому подобные определения отводили куда-то в сторону, являлись покиванием на какого-то господина, для которого трудится батрак. История литературы смешивалась с историей этики, с историей идеологий, с социальной историей и понемногу утратила всякую самостоятельность. Вводные главы общих курсов, приводя ряд разноречивых определений науки—в лучшем случае заключали эту сводку признанием собственного бессилия: „вопрос об истинных задачах истории литературы все еще остается темен“ (Пыпин). В худшем случае открывали изложение афоризмами в роде: „словесностью вообще обыкновенно называют всю совокупность умственных произведений народа, выраженных в слове“ (Порфирьев), т. е., короче говоря, словесных же произведений. Тавтология не бросалась в глаза и, подставив вместо одного икса другой, историк литературы полагал свою задачу выполненной.

К этому прибавим еще обычную беспомощность в вопросах, касающихся формы литературных произведений, т. е. как раз того, что и делает художественное произведение художественным. Выяснив в историческом плане обстоятельства, предшествовавшие и сопутствовавшие произведению, изложив его содержание, объяснив это содержание историческими данными, сопроводив его иногда „характеристикой действующих лиц“—историк литературы либо умолкал, либо вдавался все в ту же „эстетическую“ критику, либо с несколько скучающим видом прибавлял: „скажем теперь несколько слов о языке и слоге“. Одна из несомненных заслуг Потебни и заключается в том, что после его трудов—мы знаем, что нужно начинать с того, чем кончали прежде анализ литературного произведения, что т. наз. „язык и слог“ являются плотью и кровью живого организма, называемого

поэтическим созданием — и что без них это создание становится бес-
телесною неуловимою тенью, похожей на множество других таких же
теней. Еще в 1862 году в немногих строках одной из своих первых
книг („Мысль и Язык“) Потебня дал сжатое, но достаточно ясное
определение словесного произведения и его элементов, указал по ка-
кому образцу должно строить науку о словесности. Долгое время его
указания оставались незамеченными: в исторических обзорах развития
нашей науки самое имя Потебни может не встретиться. Лишь в не-
давнее сравнительно время поняли и оценили его роль в деле созда-
ния новой историко-литературной методологии. В чем же эта роль?

3.

Излагать систему поэтики Потебни после целого ряда доступных
изложений этой системы в трудах и статьях Д. Н. Овсяннико-Куликов-
ского, А. В. Ветухова, А. Г. Горнфельда, Б. А. Лезина, В. И. Харци-
ева, и в недавнее время И. П. Плотникова и других — едва ли необ-
ходимо. Для цели нашего очерка достаточно подчеркнуть, что старое
разграничение произведений слова — на памятники языка, словесности,
письменности, литературы (ср. выше Ор. Миллера) Потебня упразднил
своим утверждением единства языка, восходящего в процессе своего
развития от форм простых к формам сложным, от слова к словесному
произведению. Если слово такой же продукт творчества, как словесное
произведение, если между ними может быть проведена последователь-
ная параллель — то ясно, что пути наук о языке и наук о литературе —
также параллельны. История и теория литературы могут строиться
научно лишь по образцу исторических грамматик отдельных языков и
общего языковедения. Изучая язык, мы систематизируем его явления
по отделам фонетики, морфологии, синтаксиса, семасиологии; мы изу-
чаем его прошлое, сравниваем его с другими родственными ему язы-
ками, пытаемся, наконец, установить природу, условия жизни и законы
развития человеческого языка вообще. Изучая литературу, мы также
можем систематизировать ее явления — то останавливая свое внимание
на фактах „внешней формы“ произведений, то следя за строем формы
внутренней, то исследуя многообразие значений произведения — являю-
щихся в результате усвоения его образов чужими сознаниями. Наука
общего языковедения находит себе аналогию в научной поэтике, соз-
дание которой является очередной задачей работающих в области изу-
чения литературы в России и на Западе; параллельно с историческими

грамматиками языков строятся исторические обзоры отдельных литератур; сравнительное языковедение соответствует „сравнительной истории литературы“, не совсем удачно называемой у нас „историей всеобщей литературы“. Я не хочу сказать, что своими успехами в последние годы эти науки всецело обязаны Потебне; заслуги Потебни настолько велики, что не нуждаются в преувеличении; сам он несколько не отрицал своей зависимости от Гумбольта, Штейнтала, М. Мюллера, Гербера; работа, производимая западно-европейскими учеными, велась ими независимо от Потебни и его трудов, в свое время не получивших там известности, многие из современных русских ученых становились на его точку зрения, не подозревая, что это его точка зрения.. И тем не менее, факт его влияния налицо; пусть это влияние было не единственным—сейчас нам особенно дорого именно его отметить.

Из положений, сжато высказанных в книге „Мысль и язык“, высказанных не вполне в небольшой книге „Из лекций по теории словесности“ (изданной только в 1894 г.) и лишь намеченных в собранных учениками заметках и конспектах, образовавших том „Из записок по теории словесности“ (1905) историк литературы может и должен сделать выводы, чрезвычайно важные для построения своей науки. Во первых, нам ясно, что при анализе литературного произведения нет места никакой предвзятости, никаким предпосылкам—ни эстетическим, ни общеполитическим, ни публицистическим: мы должны, разумеется, знать обстановку—среду, в которой оно создано, но это знание нам пригодится как комментарий к результатам анализа данного нам текста, и с этого анализа изучающий должен начать. Во вторых, прежде чем уяснять место произведения в ряду других, исторически с ним связанных, мы должны изучить его в самом себе—с точки зрения его внешней и внутренней формы, то есть с точки зрения его ритма и метра, его „словесной инструментовки“ (термин вошел в обиход уже после Потебни), с точки зрения его языка, слога, композиции и сюжета. В третьих, мы изучаем условия, вызвавшие создание этого произведения и заключенных в нем образов, условия, коренящиеся как в душевной организации самого поэта, так и в среде, создавшей эту организацию. И, наконец, в четвертых, мы не можем обойти вопроса об усвоении этих образов читательской средой, их воспринявшей: творческая работа, вызванная в этой среде брошенным в нее образом, различные применения этого образа—изучение всего этого

также составляет обязанность исследователя литературы и входит в ее историю.

Наряду с этим пришлось покончить с прежним разделением словесности на поэзию и прозу, а к стати и с выделением из среды поэтических произведений—произведений „истинно великих“, „гениальных“ и т. под. Всему этому Потебня дал в своей поэтике новое освещение. Нет пропасти между поэзией и прозой, раз обе они явления языка, если различие между ними не в цели („поучать“ и „развлекать“), а только в путях, которыми они идут к ней—закрывающейся в познании. Поэзия не только в созданиях великих мастеров—„как электричество не только там, где гроза“—а поэтому нет основания пренебрегать т. наз. второстепенными писателями, считая их недостойными исследования. „Но ведь при таком понимании задач истории литературы рамки ее опять расширяются до беспредельности!“ скажут на это иные: „необходим выбор, а его не сделать, не прибегая к субъективно-эстетическому критерию“. Опасения эти напрасны: об'ективный критерий возможен и, указан опять таки Потебней: „поэтический образ тем выше, чем обобщение, заключенное в нем шире, многостороннее, живучее, чем больший круг разнообразных явлений действительности оно захватывает“. Само собой разумеется, что историк литературы обязан доказывать это фактами, а не основываться на собственном чутье: но необходимые факты в каждом отдельном случае ему предоставит история читателей.

Таковы, в общих чертах, поправки, которые мы вслед за Потебней должны внести в исторический метод изучения литературы. Эти поправки очень существенны. Еще не наступило время, когда они сделаются азбучными истинами: но после выхода в свет книги „Из записок по теории словесности“ и первого тома сборника „Вопросов теории и психологии творчества“ (ред. Б. А. Лезиным) идеи Потебни с каждым годом приобретают все большую популярность. На построении общих курсов истории русской литературы, выходивших в последнее время, они отразились еще очень слабо. А между тем еще И. Н. Жданов в своих лекциях по истории русской литературы, читанных в 80-х годах студентам историко-филологического института, определяя понятие „литературы“ пользовался соответственной главой книги „Мысль и Язык“ (у меня под руками литографир. издание лекций, 1886 г.; стр. 15 и сл.)—но пример его не нашел почти подражателей. Недавно скончавшийся в Москве молодой историк русской литературы Н. Н. Коно-

нов работал над построением общего труда, выдержанного в духе современных научных требований, после Потебни предъявляемых к истории литературы: но от этого труда мы имеем только краткое и популярное «Введение» (Москва, 1920, изд. «Задруга»), где, кстати сказать, в числе важнейших методологических пособий на одном из первых мест указаны труды Потебни. История литературы, понимаемой как искусство слова—у нас в России пока еще *in spe*: общие курсы, имеющие своей исходной точкой формальный анализ литературных произведений, сделанный в духе Потебни, еще не появлялись в печати. Но зато растет день ото дня количество частных исследований, разрабатывающих явления литературы с точки зрения их внешней и внутренней формы, с точки зрения формально-стилистической. Если сравнить то, что мы имели по изучению стиля до 900-х годов—с тем, чем мы располагаем уже теперь—бросится в глаза резкая разница. Достаточно назвать, напр., в области изучения ритма и метра книги и статьи А. Белого, Божидара, Недоброво, Чудовского, Томашевского Боброва, Брюсова, Шенгели и др.; в области изучения композиции—статьи Л. Гроссмана, В. Гиппиуса, Райнова, В. Фишера, Эйхенбаума, В. Жирмунского; в области изучения и внешней и внутренней формы—авторов «Сборников по теории поэтического языка» и др. (мною названы лишь некоторые имена)—чтобы в этом убедиться. И все они, теоретики и историки, подготавливающие жатву будущего историко-литературного синтеза—все они—хотят или не хотят они сами этого—явились, как всходы семян, брошенных в землю рукою могучего сеятеля—А. А. Потебни.

А. Белецкий

Думки О. О. Потебні про українську народність.

I.

О. О. Потебня висловив свої глибокі оригінальні і поважні думки про народність взагалі і українську особо головним чином у своїй рецензії на збірник галицьких і угорських пісень Я. Головацького¹⁾ і в розвідці „Язык и народность“²⁾. В 1902 році його учень В. І. Харцієв надруковав статтю—„Учение А. А. Потебни о народности и национализме“³⁾—де помістив багацько уривків з цих двох розвідок О. О. Потебні додавши до них свого власного коментаря, особливо що до націоналізму. Але думки Потебні про націоналізм зміщені в його розвідці „Язык и народность“, як і уся ця незакінчена і не оброблена праця, не розвинуті і не виявляють усіх його поглядів на це питання. Навпаки, надзвичайно яскраві і глибокі ті погляди його на українську народність, які він висловив у своїй рецензії на Головацького. З приводу коротенького афоризма Головацького славянофільського напрямку про шкідливий вплив західно-європейської цивілізації на галицького жовніра, О. О. Потебня висловив тут свій власний погляд на народність взагалі і особливо на долю і будучину української народности в органічному зв'язку її з язиком. Вирішення питання про долю української народности в її історії, про денаціоналізацію він переніс на широкий і певний ґрунт лінгвістичних спостережень, зв'язавши питання про українську мову з висновками представників європейського языкознавства про язики взагалі. І тому його погляди мають величезне значіння не тільки для українського языкознавця, а й для українського історика і етнографа і для кожної освіченої людини, яка цікавиться розвитком українського народу і його язика, нормальним шляхом цього розвитку, їх сучасним станом і їх будучиною. З цього боку до поглядів О. О. Потебні В. І. Харцієв зовсім не підходив і коментаріїв не робив, а звівши до купи ідею народности і національності у Потебні і додавши до цього трохи й власного націоналізму, він не виявив досить яскраво думок самого Потебні про українську народність; навіть не показав, що загальні думки про народність виникли у О. О. Потебні з цього природнього для нього джерела.

¹⁾ Отчет о присуждении Уваровских премий. (21-й; 1878 р.).

²⁾ Из зап. по теории словесности. X. 1905, стор. 159—198.

³⁾ Мирный труд, 1902, II, III, V.

Думки О. О. Потебні про народність були викликані, як я казав, поглядом на денаціоналізацію Я. Головацького, який з приводу онімечення галицького жовніра висловлює бажання, щоб галицький нарід не підлягав впливу німецької і взагалі європейської курьтури, а міцно тримався основ і форм власного національного українського побуту. Мати онімеченого жовніра, почувши його перекручену на німецький манір мову, заголосила: „ох, побила мене лихая доля, побила; понімечили мою дитиноньку—і язык перекрутили. Бідна-ж моя головонька. Пропав мій син рідний, на віки вічний пропав“.—„И я скажу“—додає од себе Головацький—„он уже не твой, он не русин, он уже вкусил западной цивилизации“.

О. О. Потебня виступає проти такого розуміння народности, яка повинна немов навіки застигнути в своїх споконвічних формах і не підлягати впливу чужої висшої цивілізації і замість цього проводить власну думку про формальний, а не реальний зміст народности. Своє розуміння народности О. О. Потебня обґрунтовує не на діалектичних Гегеліанських спостереженнях, а на висновках порівнюючого язикознавства, які висловлені були. В. Гумбольдтом, Штейнталем, Лацаріусом. А ця школа, з Гумбольдтом на чолі учила, що духовна сила вселюдности завжди розвивається в межах народів, племен, язиків і нарічів—і вона одбивається перш за все в язиках. Однакове завдання—утворення слова й думки—вирішується їм в великій різноманітності. Де зникає ця різноманітність, де язык не втворюється, а зникає під чужим гнітом, там ми бачимо, учив Потебня, „мерзость запустения“, яка не корисна ні для тих, хто гнітить, ні для тих, кого гнітять. Між народністю і язиком постійний органічний зв'язок. Язык об'єднює окремих індивідів у цілий нарід. З давніх давен кожний нарід утворив, виробив свій язык і його матеріали (словник і граматику) і перетворює їх у своїй творчій діяльності. Тому язык є орудина освіти. Кожна людина бере участь в утворенню і розвитку языка—кожний, хто тільки розмовляє і виявляє свій світогляд у слові. Думка, язык і народність з лінгвистичного боку міцно зв'язані поміж себе.

II.

Наведемо тепер думки Потебні про українську народність в його власних виразах і додамо до них тільки свої коментарі. „В Южной Руси, волею судеб поставленою „как горох при дорозе“ и осужденной на непрерывное топтание и колотню, в течение веков появляются и исчезают целые толпы отступников—вольных и невольных (в узком смысле; в широком—все невольные и лишь не все равно самодовольны). История знает об этом кое-что, искусство—мало, ибо, например, для повести и романа, как и для живописи, Южная Русь, не к пользе русской, как бы вовсе не существует. Понятно, что автор (Головацкий) не сочувствует порядкам, создавшим явления, вроде вышеупомянутого жовнера, но другое, чему он сочувствует, частью не вполне ясно, частью, как отождествление народности со стариною и мнение о ложности западной цивилизации (вообще, или той стороны, которая сказывается во влиянии на иноплеменников?) может подорвать доверие к национализму в тех, для кого это учение не стоит крепко и не неразрывно связано с самим предметом их занятий. Разве при столкновении с другою, не западною, цивилизацией, например, с византийскою, не возможны та-

кие же уродливые явления и разве таких явлений в самом деле не было? Тут, если кто и виноват, то не очки, а обезьяна, надевающая их на хвост. Если бы постороннее влияние на народность было бы само по себе пагубно, то новые народности не возникали бы вовсе. Если способность народа не поддаваться, т. е. сохранять возможность дальнейшей жизни, состоит лишь в удержании старины, то она невозможна, как и то, чтобы вода не мерзла на холоде и лед не таял в тепле. Ошибка состоит здесь в представлении народности только содержанием. На деле народность реальна по отношению к своему прошедшему; но как условленная им совокупность способов воздействия на новые влияния, она формальна в такой степени, что с сохранением ее совместимо даже полное, лишь бы постепенное отрицание прежнего содержания". Тутечки широким синтетичным поглядом О. О. Потебня окинув усю історію українського народу, яка справді складається з трьох ментів — утворення народности, її занепаду узв'язку більш за все з його денаціоналізацією (це і є „вольные и невольные отступники“ О. О. Потебні) і відродження. Цікава його вказівка, що і тут були до деякої міри невірні перевертні, це-б то значить, що до цього їх примусили умови історичного процесу, які були дужчі від них, але серед тих перевертнів була значна частина навіть занадто задоволених своєю зрадою перед народом — це було українське шляхецтво, яке, як то каже народня дума „ради лакомства нещасного“, це-б то соціально-економічних змагань, перевернулося у польську шляхту і закріпостило свій рідний нарід. Цінна вказівка автора лінгвіста і на другу рису української історії — це на географічне положення України, яка, справді, стояла як горох при дорозі, і хто тільки не скуб його з тих номадів, які були ласі до цього гороху, це-б то до українського хліба, продуктів скотарства і т. п. Одначе, так дивилися на Україну не тільки номади, як, скажемо, татари, які завжди її нищили і руйнували, а й близькі культурні сусіди, як поляки, котрі її здобули економічно і почали користуватися працею підборканого ними українського хлібороба. А як знищила, справді, Україну та колотнеча, яка, скажемо, виникла тут в тяжку для народу добу руїни, коли уся ця багата країна перетворилася у безлюдну пустиню! І тут також велике значіння мало географічне положення України з її диким полем і „кресами“. Культурні сусіди, як поляки, а потім великоросіяне — денаціоналізували українську народність і тим загострювали національне питання на Україні. Досить нагадати цілу низку українських родів, як Вишневецькі, Слуцькі, Заславські, Збаражські, Сангушки, Черторийські, Каліновські, Загоровські і ин., які спольщилися і, як Ярема Вишневецький, поробилися лютими ворогами свого народу. І хіба, справді, в історії України не була страшенна сила таких перевертнів, як отой жовнір; були не тільки перевертні, але й свідомі зрадники — і вони зробилися побутовим явищем у життю українського народу після поляків — за часи політичного об'єднання з московськими самодержавними царями і російськими імператорами; до цього головним чином і звелася внутрішня історія України в часи культурного і національного занепаду — в XIX сторіччю. Але коли це все є виродливе явище, як і австрійський жовнір, з цього не виникає думка, що треба, щоб зберегти народність, міцно триматися за старовину. І тут думки Потебні про реальний і формальний зміст народности мають величезне наукове і навіть практичне

значіння. Вони знищують те шовинистичне розуміння української народності, яке довгий час панувало в де-яких україно-фільських колах. О. О. Потебня виставляє тезу, що народність реальна тільки що до свого минулого, а що до будучини, то вона остільки може змінитися, що навіть нічого не лишиться од її колишнього зміста, аби тільки ця зміна була поступовна і не примусова. Це означає, що не можна зв'язувати української народності ні з національною одіжью, ні зі стравами, ні зі звичаями і т. п.—це все може змінитися—а народність все-таки, існуватиме.

„Язык,—каже далі О. О. Потебня,—согласно с этим есть не только одна из стихий народности, но и наиболее совершенное ее подобие. Как не мыслима точка зрения, с которой видны были бы все стороны вещи, как в слове невозможно представление, исключающее возможность другого представления, так невозможна всеобъемлющая безусловно лучшая народность. Если бы объединение человечества по языку и вообще по народности было возможно, оно было бы гибельно для общечеловеческой мысли, как замена многих чувств одним, хотя бы это одно было не осознанием, а зрением. Для существования человека нужны другие люди, для народности—другие народы. *Последовательный национализм есть интернационализм.* Как немногими знаками выражаются бесконечные числа и как нет языка и наречия, которые не были бы способны стать орудиями непреодолимо разнообразной и глубокой мысли, которая, однако, никогда не может сравняться с познаваемым, так всякая народность, хотя бы и нисшая, а priori способна к бесконечному одностороннему развитию. Тут нет, очевидно, ложной мысли, что всякая народность должна развернуть полный круг своего развития¹⁾); но есть *memento mori* для победителей и ободрение для побежденных, пока еще дышит и „ранен двоемыслен, а убит уже спит“.

Це є вогненне слово, захищаюче пригноблені народності; такою пригніченою народністю у часи царського самодержавства, коли писалися ці рядки, була й українська, яку лічили низчою народністю і виступали проти її культурно-національного розвитку, бо була вища русская, і коли був російський язык. О. О. Потебня висловлюється проти цього і виставляє свою тезу про можливість безмірного розвитку народів і языків взагалі і українських особо; але тут же обмежує свою думку тим, що не всяка народність і не кожний язык мусять дійти до такого розвитку і в доказ цього наводить чудову українську пісню про садки і шлюб. Але думка його тут не доведена до дальшого логічного висновку: які-ж народності і язики доводять свій розвиток до кінця, а які ні? І що для цього потрібно? Очевидячки, це не механічна справа; очевидно, тут не може бути меркантизму. Ясно, що тут потрібні зусилля народа, культурна і національна праця,

¹⁾ Не всі сади родять, котрі зацвітають,
Не всі тоті поберуться, котрі ся кохають;
Половина саду родить, половина в'яне,
Половина шлюбів беруть, половина марне;
Половина саду родить, половина всхнеся,
Половина побереться, половина розійдеться.
Половина цвіта цвіте, половина в'яне,
Ходив козак до дівчини, тепер не загляне.

боротьба за свою народність і за свій язык, не тільки стихійне обстоювання мови простим народом, а й самосвідомість у цій справі, об'єднання народа і проводарів його в культурній праці, в самому утворенню мови і, нарешті, своя з материною мовою школа.

III.

До цього практичного питання про школу з українською мовою і переходить далі своєю думкою О. О. Потебня, малюючи нам „победителей и побежденных“, цеб-то російських націоналістів русифікаторів, з одного боку, і захистників української мови в школі з другого. Ці рядки мають велике автобіографічне значіння для О. О. Потебні; вони яскраво малюють його український світогляд.

„Есть два рода националистов—каже він,—стоящие на точке поглощающих (А) и на точке поглощаемых (Б). Нравственности, правды больше на стороне последних; о первых, большею частью, можно сказать: „может ты, москалю, и добрый человек, та шенелия (resp. теория) твоя злодй“. Они носятся с сознанием своего превосходства: их путь к идеалу человеческого развития—лучший. Кто упирается идти, куда они гонят, тот грешит против Провидения, против разума истории. Им лестно считать успех мерилом достоинства. Но на это с точки зрения Б можно возразить, что бурьян глушит траву и пшеницу и т. п.:

Найвишньому деревоньку вершок усихає,
Найкрасшому дитиньку Бог долі не дає.

(Я. Головацький, II, 781).

Ой, нема, нема, правди ні в кому.
Тільки в единому Бозі.

(Костомаров).

А упрекают Б в том, что последние, предпочитая „провинциальный жаргон языку образованных господствующих классов“, добровольно суживают кругозор своей мысли, лишают свои умственные продукты всемирного рынка. Наставление обращено здесь преимущественно к тем, отношения коих к языку особенно интимны, а судьею в этом душевном деле является постороннее лицо, которому можно сказать: не беспокойтесь; кому действительно нужно нечто сказать („wenn einem ernst was sagen“. Goethe), тот сам лучше всех выберет слово, какое ему сподручнее, лишь бы ему не мешали. Выходит это недурно. По крайней мере, положительно можно сказать, сославшись на свидетельство самих мыслителей и художников, что между ними, именно потому, что они заинтересованы рождением своей мысли, не бывает охотников сдуру говорить „по херам“ или по офенски, что многие мысли и многие образы, не лишённые общего значения, вовсе бы не родились без „провинциальных жаргонов“. Что до вывоза на всемирный рынок, то мы знаем, что при нем свои могут пухнуть с голоду и что устранение этого голода есть лучшее средство к установлению нормальной внешней торговли. А упрекают Б, как руководителей (большею частью in potentia) нисших классов за то, что Б. будто бы хотят отупить простонародие устранением его от поль-

зовання языком господствующих классов, хотят, но не могут, благодаря предупредительным мерам властей и благоразумию своего народа, которому „противен провинциальный жаргон в школе и книге“.

Это с больной головы на здоровую, ибо последовательный национализм не хочет власти, поддерживаемой насилием, и потому не имеет интереса в сохранении наличного невежества и бедности, в недопущении людей к источникам знания. Он хочет лишь соблюдения основного педагогического правила: не игнорировать наличных средств учеников, а пользоваться этими средствами и развивать их.

Вообще денационализация сводится на дурное воспитание, на нравственную болезнь; на неполное пользование наличными средствами восприятия, усвоения воздействия, на ослабление энергии мысли; на мерзость запустения на месте вытесненных, но ничем не замененных форм сознания; на ослабление связи подрастающих поколений со взрослыми, заменяемой лишь связью с чужими; на дезорганизацию общества, безнравственность, оподление. Даже когда подавляющие довольно близки к подавляемым, а последние не лишаются насилием имущества и не обращаются в рабство грубейших форм, денационализация все-таки ведет к экономической и умственной зависимости и служит источником страданий. Ибо иноязычная школа, будет ли это школа в тесном смысле, или солдатчина, или вообще школа жизни должна приготовить из сознания учеников род палимисеста¹⁾, причем ее ученики и при равенстве прочих условий будут отставать от тех, которым в школе нужно было не забывать прошлое, а лишь учиться, т.е. прилагать школьные крохи знания и прочего—к дошкольным его запасам. Для денационализации народа одна умственная и нравственная подчиненность создает ряд неблагоприятных условий существования. Вышеупомянутый австрийский жолнер, ставший удобным орудием в руках власти, не получил за это даже капральства“.

Хоч все це сказано тут ніби в загальній формі і не згадується ні про Україну, ні про Росію тих часів, але ясно, що розуміється тут русифікаторська політика царського тодішнього режиму що до української школи і більше того—що до школи життя—і солдатчини з її примусовою денационалізацією українців і навіть книжкою, часописью, бо всім відомо, що такі тенденції були не тільки у уряду, а й серед де-яких кол російської інтелігенції.

IV.

Далі О. О. Потебня зовсім ясно і одверто ставить питання про відношення руського языка до українського, виступаючи проти тих поглядів в напрямкові російського централізму, які висловлював видатний лінгвіста проф. А. С. Буділович. Тут високо авторитетне слово О. О. Потебні має особливо велике значіння, тим більше, що він руській язык шанував і любив і штудіюванню його присвятив значну частину свого життя. Цікаво, що О. О. Потебня проти думки Буділовича виставляє формулу свого вчителя Метлинського: тут ми бачимо вплив на Потебню представника українського відродження.

¹⁾ Пергамент, на котором выскоблено ранее написанное.

„Между отношениями народов далеких друг от друга, например, немцев и славян, и отношениями внутренними славянскими, внутренними русскими, существует не принципиальная, а лишь количественная разница. Поэтому здесь должно привести сказанное одним из теоретиков А о русском языке: „говоров в народе тысячи — все не могут быть литературными языками. Один вышел победителем из „борьбы за существование“, другие его поддерживают и обогащают, пользуясь им для целей своего образования. Так было везде, так и у нас до недавнего времени“ (Будилович). Мне кажется в целом это не ясным. Если „провинциальные жаргоны“, как выражается этот ученый, должны „поддерживать и обогащать“, то они должны жить и развиваться, что при нынешних условиях невозможно без школы и письменности. В таком случае о борьбе за существование нечего говорить, а следует обращаться к формуле, давно у нас известной: „Русский язык силу свою и богатство берет... из народных наречий. Величие целого зависит от правильного развития частей“ (А. Метлинский. Нар. южно-русс. песни, К., 1859, V). Если же говорить о борьбе за самое существование и о победе одной стороны, то следует сказать о поражении и другой и о том, что побежденным горе и что их трактуют лишь как этнографический материал. Если оправдывать это тем, что бывало, то можно оправдать и людоедство. Более или менее рабское состояние поглощаемой народности *когда-нибудь кончится*. Побежденные должны же когда-нибудь выучиться языку победителей; но по словам В. Гумбольдта, до сих пор сколько знаю, не опровергнутым, „никакой народ не мог бы оживить и оплодотворить чужого языка своим духом без того, чтобы не преобразовать этого языка в другой“. Народность, поглощаемая другою, после безмерной траты своих сил все таки приводит эту другую к распадению. Нынешний русский литературный язык может сохранить свое относительное единство лишь до тех пор, пока он есть орган незначительного меньшинства. Становясь действительно общерусским, а тем более общеславянским, он в то же время распадался бы на наречия. Таким образом, весь вопрос в том, будут ли берегаемы при этом народные силы или растрачиваемы в угоду недостижимым целям... Возвращаясь к мнениям Я. Ф. Г., я думаю, что болезнь народности зависит не столько от того, что этнографические влияния на нее сами по себе вредны, сколько от того, что народность бывает поставлена в невозможность с достаточною энергиею воздействовать на эти влияния, *обновлять свое содержание*, совершенствовать свои средства восприятия“.

V.

В другій своїй розвідці „Язык и народность“ О. О. Потебня дає і прогноз з будучини языків. Не може бути, каже він, загального, одного для всіх языка. Не можуть зникнути існуючі языки. „Языки различны не только по степени своего удобства для мысли, но и качественно, т.е. так, что два сравниваемых языка могут иметь одинаковую степень совершенства, при глубоком различии своего строя. *Общечеловеческие* свойства языков суть: по звукам—членораздельность, затем все остальные их свойства суть *племенные*, не общечеловеческие. Нет ни одной грамматической и лексической категории, обязательной для всех языков..

Рассматривая языки, как глубоко различные системы приемов мышления, мы можем ожидать от предполагаемой в будущем замены различия языков одним общечеловеческим лишь понижения уровня мысли... Язык можно сравнить со зрением. Подобно тому, как малейшее изменение в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на все мирозерцание человека, так каждая мелочь в устройстве языка должна давать без нашего ведома свои особенные комбинации элементов мысли. Влияние всякой мелочи языка на мысль в своем роде единственно и ничем не заменимо... Есть чувства и мысли, которых не вызвать на общем литературном языке известного народа никакому таланту, но которые сравнительно легко вызываются на областном наречии. Есть писатели—сама посредственность, когда выбирают своим органом литературный язык, но которые на родном наречии глубоко художественны и правдивы... Говоря об отношениях равноправных народов, можно думать, что их своеобразность стиралась бы, если бы их общение с другими возрастало в большей прогрессии, чем внутренняя связь...

Но среди больших народных масс Европы внутреннее общение народов увеличивается в большей мере, чем международное. Как человеку, так и народу с каждым годом становится труднее выйти из колен, прорываемой для него своим языком, именно настолько, насколько углубляется эта колея... Цивилизация не только сама по себе не сглаживает народностей, но содействует их укреплению... Образованный человек несравненно устойчивее в своей народности, чем простолюдин... Литературно-образованный человек своего народа имеет перед простолюдином то преимущество, что на последнего влияет только незначительная часть народной традиции, именно почти исключительно устное предание одной местности, между тем, как первый в разной мере приходит в соприкосновение с многовековым течением народной жизни, взятым как в его составных частях, так и в конечных результатах, состоящих в письменности его времени".

Тут ми бачимо вже не оцінку сучасного автору момента, а його прозорливе око або, краще сказати, глибокий розум великого філософа-язикознавця передбачав той шлях, яким мусять йти у своєму розвитку може на тисячі літ вперед усі народи взагалі і український зокрема. О. О. Потебня не передбачав великої революції нашого часу; але його думки про будучину народів і мов виконалися зараз, коли революція принесла визволення пригніченим народам колишньої Російської імперії і в числі їх також і народу українському, який одержав і юридичне і фактичне право на своє самоопреділення і утворив Радянську Українську Республіку у зв'язку з Російською Федеративною Республікою, а його „провінціальний жаргон“ зробився тепер нарівні з руським офіційним державним мовою, мовою школи, мовою науки. Думки О. О. Потебні надають величезне значіння для розвитку культури народної мови і дають міцну, і я-б сказав, принципічну підвалину під державне сучасне будівництво на ґрунті української народності і мови, а самому українському народові—який призваний зараз, укупі з іншими народами, що проживають з ним на Україні, до цього державного будівництва,—певну надію на світлу будучину.

Академик Д. Багалій.

Спогади й замітки про Потебню.

1. Мої взаємини з О. П. Потебнею.

Змінлива і зрадлива річ—спогади. Завжди вони уривкові, завжди хвилюються самовільно; дрібниця біжить за дрібницею, і пам'ять малює минуле більш-менш чудовими фарбами. Історії і красне письменство повнісенські спогадами, і для задумливих людей, що багато на своєму віку де-чого бачили та чули, для людей старих, з їх важкими втратами, майже все життя в минулому. Для них пам'ять—скарбниця спогадів. Вона вкрапає життя і надає йому привабливе почуття таємного тихомовного звязку з живим і померлим, і з помершими навіть більш, ніж з живими, які ще часом зможуть і зрадити, і образити, а ті, що виглядають з минулого, вже ніколи не зрадять і не скривдять. Чим більш людина старіє, тим більш її зовнішні боків оточують привиди. Виглядають вони з кожної кімнатки, з-за кожної книжки, в кожному поживному листі. Колиш ми з ними вели розмову, стискали їм з ласкою теплу дружню руку, кохались в спільних надіях, поруч ішли по важкому шляху життя та праці. О, дорогі, любі привиди! Ви слідкуєте за нами усюди і завжди: і в день під промінням ясного сонця, і вночі, в її сумній темряві.

Зараз перед моїми очима стоїть оден такий сумний, привабливий привид, колишній мій вчитель, потім на протязі довгих років мій шановний товариш і приятель—Олександр Панасович Потебня. Як учень і товариш, я не маю змоги стати осторонь, як споглядач життя, а не його тогочасний діяч, не зможу бути, як то кажуть, цілком об'єктивним, та хіба можлива та об'єктивність в спогадах і взагалі в історії, в уяві собі минулого?

Давно, давно це було, рівно п'ятдесят років тому, як я побачив вперше Потебню, слухаючи його задумливу, глибоку лекцію на першому курсі історико-філологічного факультета в Харківському університеті, по історичному його відділу. Читав він про повноголосся й інші мудрі філологічні речі, про які ні я, ні мої товариші раніш нічого не чули, і тепер все здавалось нам занадто важким і темним. Видно було, що викладається справжня, глибока наука людиною цілком нею захопленою, справжнім фахівцем. Потебня иноді помічав по наших обличчям, що ми не дуже тямали, і не раз, бувало, читав „понияли?“ і вдруге пояснював, здебільшого яким-небудь прикладом або в иншій більш зрозумілій формі. Сам професор виглядав завжди настільки занягим, заглибленим в ідею, часом хмурым, що боязно було підійти до нього. Після лекції він швидко йшов по коридорові, і коли я раз, наздогнавши його, спитав щось з

приводу його лекції, то він здригнув усім тілом, ніби перелякався, і хоч ласкаво відповів мені, але—тоді я і сам цим був настільки стурбований, що закаявся рантом до нього звертатись. Треба зазначити, що тоді студенти філологи та історики жили з професорами в добрій згоді, дружні, і навіть гостювали одні у других. Мені пам'ятні ці добрі взаємини особливо тим, що в свята—на Різдво, Великдень, на масниці і де-які інші дні де-кільки професорів—Потебня, Кирпичников, Дринов, Лебедев, Зеленогорський збирались у мене вкупі з моїми нечисленними товаришами на тиху вечірню розмову за чашкою чаю. Розмова йшла на літературні та наукові теми. Політика не була тоді в моді, і хоч Потебня був людина з тривкими політичними і національними переконаннями, але він з ними ніколи не вихвачувався і мав їх при собі, захищаючи їх мовчанкою, може за браком підходячої для того аудиторії, може через те, що в цих переконаннях було багато чужого, особистого, властивого тільки самому Потебні та його сім'ї, і через те при людях він був тендітний.

О, як же я невдало держав іспит у Потебні! Нас, слухачів істориків, у нього було всего трое, а записував лекції один я, бо один мій товариш був глухенький, а другий алкоголик, часто-густо не бувавший на лекціях, і обидва готувались по моїх записам. Вийшло так, що я, по хворобі, не записав двох лекцій, що відбулись без мене, при інших випадкових слухачах. На іспиті Потебня саме і влучив на ці огріхи і, коли я почав навмання щось мимрити, Потебня нахмурился і сказав, що так казали сто літ тому, і додав—„гсворіть, що знаєте краще“. Тоді я признався чого не знав і попрохав роспитати мене в межах моїх записів. Потебня так і зробив і виставив мені 4 (хорошо).

Я закінчив університет по історичному відділові і з приводу філології та словесности близько до Потебні не підходив, бо спеціальні курси він викладав тоді—в 70-х роках—тільки словистам 3 і 4 курсів. Частіш я бував у проф. Кирпичникова, тоді ще молодого, енергійного, що не тільки вчив, але й сам старанно вчився, ходив на лекції Потебні і гаряче закликав мене і других своїх слухачів до спільної колективної наукової праці. Я працював у нього не тільки в будинку університета, але і в його кабінеті, дома, користуючись його цінною спеціальною книгозбірнею. Вкупі ми розбирали Ульфілу, Миннезингерів, Данта—все в первотворах,—мої дорогісні спогоди про перші кроки наукового народження. Кирпичников заличив мене при університеті по катедрі загального письменства, або „всеобщей літератури“. Під впливом Кирпичникова я почав старанно підготовлятися по західним мовам і для того, зібравши від сили грошенят (допомоги ніколи не мав), поїхав в Германію, де, спіраючись на попередні вказівки Кирпичникова, слухав лекції у славних вчених—Купо-Фишера, що читав тоді про „Фауста“ Гете і у Барча по прованському письменству. Повернувшись до дому, я задумав було скласти дисертацію про Рабле, але тутечки з двох боків на мене повіяло холодом—сперш в Петербурзі славний в межах цієї науки проф. О. Н. Веселовський висловився що до Рабле якоєсь неясно, натякнувши на труднощі наукового оброблення, а вдруге—в Харкові Потебня в розмові висловив таку думку, що в Харкові, мовляв, важко вести студії по загальному письменству за браком джерел і допомог, що тутечки завжди прийдеться пасти задніх, з огляду на великий розвій цієї науки в західних краях. В додаток, ще і Кирпичников покинув Харків і подався до Москви, з якою був щільно зв'язаний по національності, школі і почуттю. В дійсності в Германію, при браку засобів, не набігатися за наукою, і—за порадою Потебні—я

перейшов на підготовку по катедрі російського письменства. Сперш я вагався, яку вибрати тему для дисертації „pro venia legendi“ на право читання лекцій в стані приват-доцента. Раз у Потебні над вечір за чаєм я почув, як він ухвалив твори князя Волод. Одоевського, російського письменника 30-40 років XIX в., намотав це, як кажуть, собі на вуса, перечитав усі твори Одоевського, які і мені тоді дуже сподобались, і склав дисертацію, яку і надруковав, хоч це і не було для мене обов'язково, бо можна було обійтись і рукописом, але постать Одоевського така люба, а твори його такі гарні, що мені забажалося поширити знайомість з ними в суспільстві. Дисертація була ухвалена. Диспут відбувся 18 студня 1877 р. в першій аудиторії при великому натовпі. Офіційним опонентом був Потебня.

Позаяк Потебня був опонентом на всіх моїх диспутах—pro venia legendi (1877 р.), магістерському (1881 р.) і докторському (1885 р.), то буде до речі висловитись одразу про його заходи і тримання на диспутах. Поведінка була цілком академічна, спокійна і поважна, як можна краще виявити собі ту або иншу сторінку наукового питання, без уцінливості, пихи або самолюбства. Розмова йшла так щиро, ввічливо і поважно, що незручно було її припиняти, і диспутанту приходилось більш мовчати та слухати, ніж сперечатись та одбиватись.

Пригадую я і диспут самого Потебні, коли він в тій же першій аудиторії захищав свою дисертацію „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“. Опонентами його були Мик. Лавровський і Вікентій Шерцль. Перший—людина досить міцна, з доброю наукою—розмовляв досить довго, з повагою і ухвалями, а другий—як науковий діяч—був слабенький, що виявилось і на диспуті, де він ледве-ледве щось плів, і, хоч він в факультетові ставився до Потебні вороже, і Потебня з ним не кланявся, але на диспуті, де йому було легко понівечити Шерцля прилюдно, він виявив до нього цілком спокійне і ввічливе академічне відношення.

Науковий шлях вкритий терном та скорпіями, і Потебні раніш—з приводу дисертації про де-котрі міфічні звичаї і повір'я, і мені пізніш з приводу дисертації про Лазаря Барановича—приходилось випити чималий ківш лиха, але довго було-б про це розповідати...

В 80-х роках болячкою Харківського університету був божевільний професор Безсонов. Сперш він був в Москві бібліотекарем в університеті і виявив себе тим, що без дозволу забрав і повидавав записи духовних віршів і билін, зроблені славянофілами. Він присіпався до Потебні, щоб він допоміг йому зайти катедру славистики в Харкові, а Потебня, як людина чула, добра, та ще в додаток кабінетна, пішов назустріч і підтримував його змагання, про що не раз дуже жалкував, бо Безсонов спеціалізувався на доносах і за темні часи Делянова багато набрав капости своїми наклепками та обрехами—на самого Потебню, і на Кирпичникова, і на Шульца, і на Халанського. Втрапив і я в цю халену. Надало міні в дисертації про Лазаря Барановича у слід за славним московським істориком Соловйовим нагадати про те, що московські воеводи в кінці XVII в. викликали на Україні незадоволення, і Лазарь Баранович скаржився на них царю. Але... licet jovi, non licet bovi... що міг висловити Соловйов в Москві, того неможна було мені переказати в Харкові, і хоч дисертація була ухвалена факультетом для диспута, і Потебня згодився бути опонентом і склав відозву, уряд, по наклепу Безсонова, заборонив диспут, і я попав під негласний догляд поліції, про що дізнався тільки через 20 років, коли охорона була знищена, і діло про мене попало

на короткий час в Архів Історико-Філологічного Товариства, де я вважаюся за председателя з давніх часів, скоїлось так, як було раз з міністром внутрішніх справ, котрий вже в стані міністра дізнався, що над ним був не скасований приказ про тайний догляд поліції.

Хоч Потебня тричі писав відозви про мої дисертації, одначе я не знайшов їх в Архиві. Була чутка, що ворожий до Потебні тодішній декан Надлер знищив усі документи з свідоцтвами про темні події тодішнього академічного життя, а Потебні не раз приходилось робить заяви в факультет з приводу дисертацій не тільки моїх, а інших, напр., дисертацій Халанського, Соболевського.

Наукова академічна діяльність вимагала від Потебні де-які заяви, але тільки на академічному ґрунті. По-за межі його він виходив зрідка і випадково, напр., коли згодився стати на чолі цікавого полюбовного суда з приводу несправедливого обвинувачення Мих. Старицького в плагіаті. Резолюція суда була напечатана в „Южном Краї“ 1890 р. № 3264. Потебня взявся за це діло для мене досить несподівано, мабуть спираючись на те, що справа письменна, та ще й українська, та ще в складі щирих Харківських українців того часу—О. О. Русова, Д. І. Багалія, Я. С. Станіславського і А. Л. Шиманова. Відомий український поет Мих. Старицький в Харкові поставив виставу „Козак за Дунаєм“, в котрій місцевий письменник В. С. Александров углянів позичку і став обвинувачувати Старицького в плагіаті або крадіжці. Стиль резолюції видає Потебню; одразу видно його руку, його погляди. Зауважений не стільки зміст, як форма. На прикінці висловлено справедливо, що при обвинуваченні в плагіаті треба бути обережним. „Літературна крадіжка, як усяка крадіжка, вістимо, ганебна; але ще поганіш несправедливе обвинувачення в плагіаті, бо тоді у людини мають одібрати саме його добре ймення“ Відозва комісії, таким чином, була на користь Старицького, і Александров мусів пожалкувати, що з-за дрібязкових річей підняв сварку. Велика наука Потебні тут стала на добрий послугі справедливості. Одночасно було вияснено, що таке плагіат і що таке „подражання“.

Людина глибоко справедлива і ввічлива Потебня був суворий, що до моралі, і перш за все до самого себе і до своїх товаришів теж, і раз він взяв, що хто-небудь сказав або зробив що-небудь кепське, він на другий день тому вже не кланявся. Так раз було на моїх очах. Талановитий, але дуже нервовий професор юриста Данилевський в московській газеті дуже гостро і почасти несправедливо написав про двох товаришів професорів Яроша та Куплеваського. Прочитав Потебня газету, нахмурився, а тут саме входить в лекторію її автор і протягає йому руку, а Потебня ніби не бачить, одвернувся, мовчить, і одійшов той, прилюдно піймавши облизня, а з наукового боку це була людина не менш талановита і освічена, ніж зганеблені ним товариші, а бач вийшла, на погляд Потебні, за межі справедливості і одразу стала йому чужою. Не диво, що Потебню за цю моральну суворість багатько недолюблювало і боялось, і, зрозуміло, що і він держався в суспільстві, обмеживши себе тільки невеличкою кучкою добрих знайомих.

Характерною рисою Потебні була ще вдячність за прояву ласкавого до нього відношення, напр., до професора Петра Лавровського за його допомогу на перших кроках наукової діяльності, не дивлячись на його западто уціплену відозву про його дисертацію про міфічні звичаї. В VI кн. „Кіевская Старина“ 1887 р. я напечатав коротеньку заміточку з приводу 30-ліття наукової діяльності Потебні і, знаючи його

скромність, підписався тільки ініціалами (Н. С.), щоб він і не дякував за таку дрібницю, і все-ж таки він дізнався, висловив щире подяку і подарував мені свої розвідки з написом „на добрую пам'ять“.

Тридцять років промайнуло, як хвилила, зо дня смерті мого незабутнього вчителя і славетного товариша, а його задумлива постать стоїть у мене перед очима, з міццю великого розума на чолі. В письменстві ця постать яскраво відбилась в надрукованих спогадах його талановитих учнів—Горифельда і Кашменського. В мистецтві вона знайшла, що до самого обличчя, досить гарний вираз в портреті фарбами, що теперешнім часом вкращає музей Слободської України в Харкові імені Сковороди, з етнографічним відділом імені Потебні.

2. Відозва Ягича про Потебню.

В 1910 році вийшла величезна розвідка славнозвісного академіка І. В. Ягича—„Історія славянської філології“ в 960 сторінок, як перший том великого і дуже корисного загального видання петроградської Академії Наук „Енциклопедія славянської філології“. На праці Ягича надзвичайно яскраво виявляється перевага національного почуття в гуманістичних науках, навіть в філології, хоч сам Ягич не раз клопочеться про наукову безсторонність та об'єктивність і вславляє, напр., Потебню в прояві того і другого. Але в самій книзі першорядне місце займають сербо-хорватські письменники, бо автор сам хорват, а далі йдуть вже другі слав'яне, а українська філологія пасе таки задніх, що ледве й примітна за російськими авторами, і не тільки через те, що вона в дійсності така мала, а здебільша від того, що вона так кепсько і недбало поставлена в книзі автором, в усіх других галузях славістики, окрім української, добре ознайомленим. Винятком являється тільки Потебня, котрому Ягич дав досить по-важне місце, з великими ухвалями його наукової праці. Ягич особливо ухваляє дисертацію „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“. Він підкреслює висловлену тутечки глибину філософської думки, велику самостійність і незалежність в наукових переконаннях, нахил до міфичного тлумачення фольклора, велике мистецтво в аналізі дрібниць мови. На погляд Ягича, глибоке зацікавлення Потебні зв'язком слова з думкою не можна пояснити попередньою школою, а надано йому самою природою, хистом стислої розумної праці. Розвідки Потебні по синтаксису Ягич зве дорожочними здобутками і ставить їх вище розвідок свого славного вчителя Миклошича, хоч і більше цільних, але не таких глибоких. Цікава увага Ягича, що де-які саме наукові твори Потебні про українську мову цілком об'єктивні, були неприємні петербургським бюрократичним верхам—„известнымъ средамъ были не по вкусу“. Особливо цікаво останнє місце в розвідці Ягича: „Трудно указать другого среди филологовъ, который могъ бы стать въ уровень съ Потебнею по глубокомысленному пониманию явленій языка и по философской проницательности. Его отличало прекрасное свойство беззавѣтнаго служенія наукъ, какъ священному делу, не допускающему субъективнаго произвола, а требующему абсолютнаго преклоненія передъ истиной, передъ логикою фактовъ. Пишущій эти строки (це-то Ягич) вмѣняетъ себя въ нѣкоторую

заслугу, що онъ въ 1874 г. осенью, уѣзжая изъ Петербурга за-границу, обратилъ вниманіе надлежащихъ круговъ черезъ Бестужева-Рюмина на значеніе изслѣдованій Потебни, бывшихъ покрытыми мракомъ неизвѣстности. Какъ поздно въ Россіи и за-границей стали цѣнить лингвистическую и философско-филологическую дѣятельность Потебни—доказываетъ странный фактъ, что даже Миклошичу большая часть трудовъ осталась неизвѣстной“.

3. О. П. Потебня про пушкінське свято.

Глибокий знавець мови і поезії Потебня любив Пушкіна і часто користувався на лекціях і в розвідках його творами. Надзвичайно цікава та участь, яку він взяв в ушанованні славного майстра слова з приводу збудовання йому пам'ятника в Москві. Тоді цю подію святкували бучно і гучно. Тургенев навмисно приїхав для того в Москву з Парижу. Достоевський сказав знамениту промову. Усі університети послали свої привітання. От саме тоді Потебня по дорученню університетської ради склав такий текст телеграми, що випадково зберігся в перепису у мене. В свій час він, ухвалений радою, був посланий від університету:

„Совѣтъ Харьковскаго Университета, сожалья о невозможности послать своего представителя при праздникѣ открытія памятника А. С. Пушкину, ограничивается выраженіемъ искренняго его желанія. Пусть же сбывается чаяніе поэта (къ нему не заростетъ народная тропа), но не въ примѣненіи къ одной, хотя и великой его личности, а въ смыслѣ преуспѣянія какъ народности, такъ и всенародности русской литературы. Пусть свободно растетъ среди русскаго народа образованіе объ руку съ благосостояніемъ и пусть перестанетъ книжный русскій человекъ чувствовать себя одинокимъ и чужимъ среди своего народа, безсильнымъ при встрѣчѣ свободнаго развитія его мысли. Пусть ширится русская литература и за внѣшними своими предѣлами, но лишь силою своего собственнаго достоинства, а не тѣмъ, съ чѣмъ она въ сущности не имѣетъ общихъ интересов. Наконецъ, пусть будетъ вамъ праздникъ радостей, а мы уже—дружина веселія“.

Міцна річ, багато політичних натяків; ясний вольнолюбивий світогляд; ясні відгуки на важкі державні хвороби, відірваність освічених людей від народу, утиски мови, клясову ворожнечу, примусове обрусіння... і все було задарма. Урядова практика йшла цілком проти благих бажань, висловлених Х. У. Радою; в 1914—15 роках піднялось чорною зграєю вороння над Україною і Галичиною, позачиняли усі Просвіти, усі часописи, поки усе не провалилось в безодню розрухи.

4. О. П. Потебня і Максим Горький.

Коли ми називаємо ймення якої великої людини, письменника, майстра, вченого, музику, громадського діяча, то звичайно не обмежуємось самим життям або творами, але беремо в загальних рисах усю культурну спадщину і тоді на видноті звичайно встає така величезна постать, що скупчує в собі не тільки тим-

часове коротке життя, а довгі роки впливу, іноді цілі віки. Напр., Дант—не тільки літературний та політичний діяч, померший на засланні в 1321 р., не тільки автор знаменитого літературного твору,—це відбиток і яскравий вираз середніх віків, цілий світогляд і безліч пізніших течій на протязі 600 років, перекладів, малюнків, натхнення і думки. Кожна велика людина тим дорога і незабутня, що з її йменням звичайно пливе значна течія розвитку, надій, змагань, подій під тим або иным національним, науковим або мистецьким прапором; тутечки всяка дрібниця до-речи, знаходе свій приклад, свого читача, іноді приятеля.

І ця коротенька, випадкова і дрібязкова стаття набирає чималої ваги через те, що з одного боку вона торкається славного вченого, а з другого—ще славнішого письменника; з одного боку виникає чудовий вплив, а з другого—ще більше наукове зацікавлення.

Це було давненько, десять років після смерті Потебні, як я надіслав свою книжку про Леонардо да Вінчи (на російській мові, більшу¹⁾ Олексію Максимовичу Пешкову, або, по псевдоніму, Максиму Горькому в Італію на острів Капрі, в знак поваги до його великого художнього талану.

Промайнув новий десяток літ, і 2 лютого 1910 р. я одержав від О. М. такий лист:

„Многоуважаемый профессор! Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мнѣ присылають газету „Южный Край“. Не имѣя удовольствія быть ея подписчикомъ, я заключаю, что газета высылается починомъ самой редакціи. Я весьма польщенъ и сердечно тронутъ вниманіемъ и любезностью редакціи. Мнѣ дорого и необходимо слышать далекіе голоса честныхъ и культурныхъ людей моей родины. Я просилъ бы Васъ передать членамъ редакціи и сотрудникамъ ихъ мою искреннѣйшую благодарность и горячее пожеланіе бодрости духа. Я обращаюсь къ Вамъ, какъ человѣку, чье имя знакомо мнѣ и чтимо мною. Если Вы не забыли, нѣсколько лѣтъ назадъ Вами прислана мнѣ Ваша чудесная книга о Леонардо да Винчи. Она здѣсь со мною, и мнѣ нерѣдко приходится открывать ее. Не помню, успѣлъ-ли я своевременно поблагодарить Васъ за этотъ даръ; но за него можно и дважды поклониться—благодарю Васъ! Искренно уважающій Васъ Максимъ Горькій“.

Ласкаве доручення подякувати „Южному Краю“, висловлене з такою милою ввічливістю, зрозуміло, було мною не гаючись виконано, і, хоч тепер усі члени редакції і співробітники роспорошені, лист О. М. задовольнить кожного, кому трапиться зустрінути в печаті ці милоголосні рядки. Для мене-ж особисто лист був тим більше втішний, що я знайшов в ньому прихільну відозву про мого Леонардо да-Винчи, та ще з боку такого видатного майстра слова, з далекого, рідного Л. да-Винчи краю.

Так виникло моє листування з О. М., яке незабаром принесло мені з Капрі новий лист такого змісту: „Искренно уважаемый Николай Федоровичъ! Я получилъ Вашу брошюру объ Анточанскомъ. Сердечно благодарю Васъ за подарокъ и доброе отношеніе ко мнѣ. Позволяю себѣ послать Вамъ три мои книги: „Мать“, „Жизнь ненужнаго человѣка“ и „Кожемячина“. Пакетъ отправленъ за-

¹⁾ Меньша з тими же малюнками, видана пізніш по-українськи. Авт.

казнимъ съ обратной распиской—думаю, что Вы получите (усі три книжки мною одержані). Разрѣшите мнѣ просить Васъ о слѣдующемъ: Въ числѣ работъ Потєбни есть изслѣдованіе „О долѣ и сродныхъ с нею существахъ“. Мнѣ эта книга необходима; найти же ее не могу ни въ Питерѣ, ни въ Москвѣ, хотя я обращался ко всѣмъ букинистамъ столицъ. Можетъ быть Вы укажете мнѣ адресъ хорошаго, знающаго букиниста въ Харьковѣ. Я надѣюсь, что книга есть. Указаніемъ этимъ очень обяжете меня. Позвольте еще разъ сказать Вамъ искреннее спасибо. М. М. Коцюбинскій просить передать Вамъ его поклонъ и привѣтъ. Желаю добраго здоров'я, бодрости духа. А. Пѣшковъ“.

І цей лист, теж ласкавий, прихильний та щирий спонукав мене старанно пошукати книжку Потєбні „О долѣ“, але, коли її неможна було знайти в столицях, то вже годі було й сподіватись знайти її в бідному на книгозбірні Харкові у місцевих нікчемних букиністів, які на підворіттях торгували майже виключно шкільними підручниками. На щастя, книжечка знайшлась в моїй книгозбірні, і я її послав О. М. 20 липня 1910 р.

До речи, згаданий в листі М. М. Коцюбинський, славний український письменник, тоді тяжко хорій на сухоти, гостював у О. М. на Капрі. 12 квітня 1913 р. він помер, повернувшись до дому. О. М. в 7 кн. „Вѣстникъ Европы“ 1913 р. написав прекрасний чулий некролог. Згадуючи про небіжчика, О. М., між иншим, зауважив, що незадовго перед смертю Коцюбинський казав: добре було-б що року видавати літопись прояв добра або людности, або огляд того, що зроблено людиною відносно поліпшення людської долі. Така літопись допомагала-б людям в моральному поступові. Нас, мовляв К., більш знайомлять з поганим, ніж з гарним. Така книжка, по думці К., особливо мала би вагу для демократів.

Розвідка Потєбні про долю в 44 стор. вперше була надрукована в 2 т. „Древностей“ Моск. Археол. Общества в 1867 р.; окремо не виходила; були тільки відбитки. В Долі і Недолі Потєбня бачить міфічні істоти, і, як їх рідню, розглядає казкові Щастя, Притчи, Среча (сербськ.), Лихо, Віда, Горе, вказує на зв'язок Долі і душі, Долі і домового, Долі і сербського Усуда, як подателя долі. Розвідка багата по фактичному змісту, з трохи прибільшеними міфічними поясненнями, на які в той час в науці була, так сказати, мода, під впливом Як. Грима, Афанасьєва, Буслаєва.

5. Соханська про Потєбню.

Відомий славянофил, скоріш завзятий русофил, Іван Аксаков в 1861—1862 р. раз у раз почав робити в свій часописі „День“ гострі напади на єдину українську часопись того часу „Основу“, що виходила в 1861—1862 р. під проводом Білозерського, Куліша і Костомарова. В приватному листі до Костомарова в 1861 р. він виступив з великими докорами „въ интересахъ цѣльности общерусскаго развитія 1)“, В 1862 р. з приводу „Дня“ видатна в свій час російська

1) Гостре з приводу цього листування поміж Аксаковим і Костомаровим напеч. в книзі „Ив. С. Аксаковъ въ его письмахъ—1896, т. IV, ч. II, 257—268.

письменниці Соханська, що прожила весь свій вік (1825—1884) в Ізюмському повіті на Слобожанщині і була співробітником в деяких славянофільських виданнях, увійшла в цікаве листування з Аксаковим з приводу одної розмови з Потебнею. В люті 1862 р., вернувшись до свого хутора з Харкова, де вона бачилась з Потебнею, вона писала Аксакову, що вона одразу прочитала п'ять №№ „Дня“ і почула, як вона каже, „острий присмак і багато перцю“. Те і друге, очевидно, викликано нападами на основянських українців. Далі Соханська пише: „Потебня мені казав, що іноді він скаженіє від „Дня“. Коли це робиться з такою тихомирною, лагідною та соромливою людиною, як Потебня, то наскільки-ж той „День“ мусить дратувати людей більш гарячих“. Далі Соханська в лапках висловлює таке міркування Потебні: „Литературний рускій языкъ становится все болѣе великорусскимъ. Эго его шагъ въ развитіи. Посудите, наприкладъ, что произведеніи Островскаго имѣють общерусскаго для малороссовъ? Ничего. И вотъ, чтобы пополнить этотъ недостатокъ, который вполнѣдствіи, вѣроятно, во многомъ скажется, и должна существовать отдѣльная малорусская литература, насколько у нея станеть силъ для отдѣльнаго существованія“... Далі Потебня, мабуть щоб заспокоїти боязких, висловлює, що російський літературний язык ще довго пануватиме в научному вжитку, може років сто, а що буде далі—неварт гадати, бо вгадати далекубудучину неможна. Розвиток українського письменства буде корисним для народа, дасть йому рідну шкільну грамоту і допоможе українцям, маючим почуття краси і правди, знайти добрі шляхи і до всеросійського або великоруського письменства.

Хоч Соханська тут-же повідомляє, що свою розмову з Потебнею вона передає тільки приблизно, але, хто знає Потебню і його твори, запевне признає, що тутечки помилки нема, що такий погляд цілком відповідає загальному його світогляду. На жаль, я не мав спромоги дізнатись ближче, які саме статі в „Дні“ роздратовали („бѣсили“) Потебню, бо в Харкові в книгозбірнях не знайшлося „Дня“. Видко, що цей темний для українців славянофільський „День“ гостро зачепив Потебню. Особливо цікава і цінна пророцька увага Потебні, що російський літературний язык перевертається з загально об'єднуючого в виключно національний російський. Історія справдила Потебню. Російські письменники все більш та більш вносили саме великоруського змісту і форм, і майже усі, за винятком нечислених епігонів, напр., Буніна, попереходили зо всеросійського на великоруський шлях, особливо письменники найбільшого талану і впливу—Горький, Блок, Бальмонт. Крутий поворот зробив вже Лев Толстой в „Плодахъ Просвѣщенія“.

Соханська явно співчуває думкам Потебні і докоряє „День“ за вороже відношення до українців. На її погляд, вийшло так, що з одного боку виявився „проклятый хохоль“, а з другого в одповідь тому мусів з'явитись „бісів москаль“, що буцім було не до лиця „Дню“ при його славянофільських завданнях. Соханська стала на боці „Основи“ в її сварці зо „Днем“, і дивується, чому так, що славянофили за усіма народами визнають права на самостійну культуру, а рідному славянському українському народові відмовляють в признанні його національно-культурних прав.

Аксакову лист Соханської був не до смаку. Він писав, що Потебні не знає, не чув навіть про нього, що ймення його невідоме вченому миру, що йому, як і Лиманському, однаково, чи то грамота українська, чи мордвинська (!) в низчій школі, що він навіть ухваляє українську мову в межах сільського ужитку, щоб тільки з цих меж вона не висувала носа і не порушала „общаго подвига самосознання“, і сільську літературу він готовий признати, але тільки в значинні другоряднім, без порушення „літературно-общественнаго языка“, на який він, як справжній російський патріота, очевидно, бажає вдержати повну монополію.

6. Потебня в сучаснім освітленні І. А. Соколянського.

В 1916 р. Харківське наукове історико-філологічне товариство несподівано одержало від кубанських пластунів з кавказського фронту 500 карб. на премію ймення Потебні. Дивна річ: знайшлись у такого глибокого, але мало відомого кабінетного вченого прихильні читачі в траншеях десь-то там у далекого Карса або Арзерума в сувору зімову добу, коли життя на Армянському плоскогір'ї для людини переважає важке життя в тундрах Сибіру.

Хто-ж це за прихильники і з якої ради відозвались вони в тяжкі часи війни серед сумних обставин військового життя? Відповідю був такий лист Ів. Панас. Соколянського: „Цими днями минуло 25 літ зо дня смерти Олександра Панасовича Потебні. Гурток пластунів 17-го куб. пластуницького батальону, не маючи змоги инакше вшанувати пам'ять великого земляка свого, рішив заснувати на зібрані проміж себе гроші премію за найкращу розвідку українською мовою про життя і твори Потебні“. Далі йде просьба, щоб я доглядив цю справу.

Незабаром прийшов новий лист і 500 карб., для того часу сума досить значна; одночасно приложений був реєстр осіб, що зробили внески.

Дуже цікавий був з приводу цього третій лист від 7 січня 1917 р. Тут так яскраво відбилась талановита і чула особа автора—це-б то самого д. Соколянського і його велика повага до Потебні, і самі висновки цієї поваги і де-як красномовні риси військового життя того часу на далекій суворій чужині так кажу, ласкаві, що не буде огріхом привести його тутечки майже в цілості. Відкидаю тільки те, що відноситься до мене особисто, як воно по ласці своїй доброжичливості не приємно для мене, бо ласку тут автор висловлює не тільки від себе, але теж і від своїх славних бойових товаришів, котрим я буцім то своєю згодою „надав бадьорости“ в важких обставинах їх життя, а що обставини були важкі, видно з таких випадків: „Бува так, що людина цілком разом з конем поринає в снігову безодню, борсається там довгий час, але вилазе—далі!.. Я вперше переконався тут, що людина на часі стане страшною для самого Бога. Правда! А пластуни! Живу з ними і вчуся у них жити і недолю переносити... До речі, ви навіть і не уявляєте собі, наскільки чисто і непорушно зберіглась у них рідна пісня. При кожній нагоді, де зібралось їх двоє—троє відпочити, вони співають і співами розганяють тугу. Найулюбленіша їхня пісня

„А вже літ над двісті, як козак в неволі, по-над Дніпром ходє, викликає долю“. Співають цю пісню надзвичайно гарно і багато чуття в неї вкладають. Мало є народніх пісень, яких би вони не співали. Так, де нема рідних обставин, там на послугі пісня, там на послугі рідне слово, рідне слово, що творить живу душу“... Гарна думка і гарно висловлена, і не дивно, що автор її полюбив щиро такого чулого знавця рідного слова, як Потебня. „Душа цих людей, каже далі д. С. про кубанців, замкнена в невеличке коло буденних інтересів, та не вони винні в тім і їм лишається одно—нарікати на долю, та доля-ж їм одповідає в пісні: „не вийду, козаче, не вийду, соколе! Ой, рада-б я вийти, так сама в неволі“...

„В день 25 роковин смерті Потебні, каже далі автор, я коротенько на протязі цілого вечєра виложив своїм товаришам про значіння творів Потебні для науки взагалі і для педагогіки зокрема. Як мені потім зауважили—їм це було цілком невідомо... Це спонукало в ту-ж хвилину всіх пристати на думку утворити премію, аби цим хоть крапельку прислужитись спопуляризованню творів нашого великого земляка“.

Далі Соколянський висловлює, як і коли він познайомився з творами Потебні і яку вагу, на його погляд, вони мають; тутечки розкинуто чимало цінних наукових уваг: „Я памятаю, каже д. С., перші кроки своєї педагогічної діяльності і ті часи, коли я вперше довідався про твори Потебні. То були найщасливійші хвилини мого життя, але швидко радість перетворилась в сум. Чому-ж мені ніхто жадним словом не натякнув про його твори? По скінченню спеціальної школи, я вдавсь до школи глухонімих в Олександрівську на Катеринославщині і тут зразу наткнувся на непереможні труднощі. Того, що дала мені школа, де я одержав спеціальну освіту на навчєння глухонімих, було замало для практики. Технічна справа не була важкою, але саме ті моменти, в які дитина, що вже виголошує поправно звук, мусить вчити мову, як таку, була моя несила. Зброї не вистачало а ні у мене, а ні у моїх учнів осягти зміст врозуміння. При самім нагляднім навчанню неможна було дати змогу дитині зрозуміти такі слова, як любов, вдячність, щастя і ин. Це примусило мене студіювати психологію мови. В царині язикознавства ми маємо безліч розвідок, але всі вони дотикаються формального боку мови, несучи послуги швидче історії та археології, ніж психології та педагогічним справам. Лише у Потебні я знайшов те, чого шукав... За дослідями Потебні доводиться цілком одмінити де-які звичні погляди на методи навчання і на виховання. Так би воно здавалось, що за дослідями Потебні ми, педагоги, мусимо піти цілком иншим шляхом, та знов гут те-ж саме „але“, яке російською мовою визначають словом „косность“. Висоди Потебні прокладають нам широчезний шлях до пізнання многого, що зрешті решт веде до одміни поглядів на зміст психології, психопатології і инших галузей наук про людську істоту. Колись, пробуваючі в Петрограді, набуваючи сам досвіду і знання, я відвідував лабораторію експериментальної педагогіки та психології. Всі ті складні прилади спочатку аж лякали мене: хотілось би на них богу молитись. Як же! Ці прилади винайдемо, сконструйовано для досліду душі людської. Про те-ж швидко стали мене брати сумніви, що та користь справдішня від цих складних приладів далеко менша, як про це ходило на з'їздах і

ин. Для дослідів мови приладів не знайдено. Та навіть штучні прилади, коли природа сама утворює експеримент, позбавляючи людську істоту мови змалку. На це чомусь не звернула наука уваги. Не диво, що проф. А. Погодин в своїй книзі „Язык, какъ творчество“ дає цілу низку нісенітниць, висаних з пальця, ніж справжня психологія глухонімого. Російська література страшенно вбога в цих межах; закордонна не дуже багата. Коли я цілком віддався справі навчання глухонімих і потім познайомився з творами Потебні, з його поглядами на мову, я був страшенно вражений геніальною прозорливістю свого великого земляка. Що би було, коли-б знаменитий віденський психіатр Фрейд знав погляди Потебні на мову тоді, як він дійшов до своїх знаменитих „психічних травм“, або Дюбуа, який твердив, що при духовних заворушеннях (або психоневрозах) анатомічні відміни в делікатній будові нервової системи не первісні, а утворюються „вмѣшательствомъ духа, умственныхъ представленій“, що ці заворушення утворюються ідеаціями. Ми мали-б цілу революцію в поглядах на мову! Потебня був великий лінгвіст, а Фрейд і Дюбуа великі психіатри, але як вони наблизились до однієї поглядів на мову? Потебня, на мою думку, дає нам повну змогу перенести з меж не що наук соціальних, а й з наук психологічних в межі біології. Я завжди кажу не „психологія мови“, а „біологія мови“... Я прийшов до пізнання, що... мова не засіб переведення думки, а навпаки, її творець, а стало бути, вона здібність... Початки мови сягають далеко за межі нашого звиклого думання про мову. Починається вона там, де починається взагалі життя, а не життя людини, як виду біологічного. Вага найбільша винаходу Потебні в тім, що він, як ніхто до нього, так довів залежність думки від мови. Цим він порушив, а далі й порушував теорію, яка панувала й панує допіру в поглядах на психологію думання. Цим самим він дає нам змогу йти далі, а не топтатись на місці, на топчаку заялзених теорій з їх прихильними врозуміннями, як, напр., врозуміння „Соціального інстинкту“...

В своїм просторі листі д. С., між иншим, торкається висловленої Потебнею думки, що примусова денационалізація доводить до деморалізації, і, поширюючи цю думку, д. Соколянський висловлює, що як у поодинокій особі нсування мови визначає важку хворобу, так і в прилозі до цілого народу бува, коли нормальному розвитку народу ставлять перешкоди. Свідомо денационалізація, по думці С., не може творитись, а творить її група, або—скажемо—пануюча нація, проводарі котрої бувають в стані психічного або, по словам С., краще сказати, лінгвістичного ступору.

Листи д. Соколянського цікаві і цінні, як ознаки все більшого та глибшого ознайомлення з творами Потебні. За життя Потебні їх мало бачили навіть такі діячі слова, як Миклошич, Іван Аксаков. Смерть Потебні в 1891 р. примусила многих до студій над творами Потебні, і ці студії чим далі все більш зростають; значіння Потебні теж все більш зростає і повага до його особи відбивається в різних галузях наукової творчості і в різних обставинах сучасного життя.

7. До першої пошани Потебні.

В грудні 1892 р. Харківське Історико-Філологічне Товариство зібралось прилюдно вшанувати промовами пам'ять Потебні, що багато років стояв на його чолі і зробив чимало цінних докладів. Я зайшов до тодішнього „попечителя учебного округа“ Воронцова-Вельяминова повідомити його. Почувши тільки ймення Потебні, В. В. скочив з кресла і рішуче сказав: „Не позволю! Потебня—это знамя!“ В. В. був ставленик Каткова, з великим запалом реакційности і ворожнечі до вільної думки. Я потихеньку та помаленьку пояснив, що Потебня людина з великими науковими заслугами, а коли ще додав, що І. Ф. Т. має право на публичні лекції, то В. В. утихомирився, навіть подякував за повідомлення і прийшов на урочисте зібрання І. Ф. Т.

8. Потебня про Квітку.

18 грудня 1878 р. Потебня з нагоди століття зо дня народження Квітки-Основ'яненка, прочитав публічну лекцію в Актівій залі університета. Сперш лектор висловив свій погляд на те, що таке революція і що консерватизм в житті держави і народа. В найкращім розумінні консерватизм служить для охорони і заборони народніх сил. З такого погляду усі народи, з котрими доля зводила українців, йшли тільки революційним шляхом, руйнували сили і добробут українського народа. Квітка належить до людей, які турбувались зберегти народні сили, заховані в його мові, світогляду і побуту.

Відозва про цю надзвичайно цікаву лекцію була в женеvському виданні Драгоманова „Громада“ 1879 р., кн. IV.

9. Потебня, яко голова Історико-Філологічного Товариства.

В своїх спогадах про Потебню я проминув сказати про нього, коли він був на чолі Харк. Істор.-Філол. Товариства, це-б то з 1878 по 1890 р., а нагадати про це мій прямий обов'язок, бо я тоді був діловодом Товариства і де-що зберіг в пам'яті, на жаль небагато, бо і діяльність Товариства тоді була взагалі дуже слабенькою, бракувало діячів, бракувало засобів, але Потебня, не вважаючи на те, по змозі, проводив діло науки, здебільшого за допомогою власних наукових рефератів та докладів. Людина обережна, м'яка, коректна, він мав, одначе, великий вплив своєю науковою владчею, працею, йменням, нікого не примушуючи до роботи, без нагану або докорів, не турбуючи навіть діловода, бо книгу повідомлення про засідання держав у себе, сам записував, що мало одбутись на пропонуванім засіданні і задовольнявся коротенькими відчитами, що складав наприкінці діловод.

Потебня брав участь в кожному засіданні, в розмовах з приводу кожного реферату; завжди його виступ носив відбиток високої наукової авторитетности.

Часто-густо він сам робив доклади невеличкого розміру, що потім увійшли здебільшого в його 4 тома „Къ исторіи звуковъ русскаго языка“, помалу друкованих в „Русск. Фил. Вѣстн.“ Ці доклади перелічені в XIV томі Сборника Х. И. Ф. Общества“ 1905 р. Звертав він увагу і на словесність народню (думу про Азовських братів), на українське письменство (Сковороду, Шевченка), здебільшого на окремі характерні слова та вирази в українській мові. Іноді Потебня виступав в публічних лекціях, напр., після смерті Достоевського (з неприхильним відношенням до його „Дневника Писателя“), з приводу століття зо дня народження Квітки-Основ'яненка і ин. На жаль, де-які цікаві його реферати в звичайних засіданнях Товариства, напр., про Шевченка, не були надруковані і навіть не було про них коротких сповісток в місцевій печаті. Пригадую, що відносно Шевченка Потебня висловив думку, що нахил до студій над його творами був у часи, коли з темряви життя починає виринати вільна думка.

Потебня увійшов в листування з бідолахою Манжурою, захопився його поезіями, допоміг видати їх з піддержкою Російської Акад. Наук, купив для Товариства величезний збірник пісень, записаних Манжурою (усього за 50 рубл.) і одержав від Манжури дорогоцінний збірник українських казок, котрі були надруковані в 2 і 4 томах „Сборника Х. И. Ф. Общ.“

Матеріальні засоби І. Ф. Т. завжди були дуже малі, а за часи Потебні зовсім нікчемні, біля 70 руб. членських внесків, які цілком ішли на платню за розноску повісток на засідання. В кінці 5-го року усього було ошадку 239 руб.

Потебня відмовився в 1890 р., коли був вже хворий, з добрим побажанням Товариству, яке дякувало його адресою, бо завжди високо цінувало славного председателя, видало збірник некрологів про нього, написаних в 1891 р., зібрало капітал на видачу премій його ймення, влаштувало в його пошану урочисте засідання в грудні 1892 р.; в засіданні з приводу 25 л. Товариства 28-лютого 1902 р. академик Овсянко-Куликовський прочитав доклад про Потебню, саме про його дорогоцінні твори відносно еволюції мови в зв'язку з еволюцією думки. Це, на думку Овс.-Кулик., такий великий скарб, яким мусить ще користуватись західня наука, коли вона про нього дізнається.

Акад. Сумцов.

К биографии А. А. Потебни.

Всем, знакомым с жизнью и личностью А. А. Потебни, он известен приблизительно с 1875 года, когда вышли его „Записки по русской грамматике“ I—II, доставившие ему докторство, ординатуру, Ломоносовскую премию, избрание в члены-корреспонденты Российской Академии Наук и почетную известность в науке. О Потебне до 1875 г. мы имеем лишь отрывочные, неясные, зачастую противоречащие друг другу сведения в печати и очень немногие материалы в бумагах ученого, его переписке, Архиве Харьковского Университета, с которым связана вся его научная деятельность и т. д. Многие факты биографии Потебни до последнего времени остаются темными и неизвестными, и биографу открывается широкое поле для всякого рода догадок и даже открытий... Биограф зачастую должен бродить если не в потемках, то в сумерках, и какая радость охватывает его, когда случай поможет пролить свет на какой-нибудь факт этого первого, раннего периода жизни Потебни! Случай дал нам возможность сообщить кое-какие факты, весьма существенно дополняющие то, что мы до сих пор знали о пребывании Потебни за границей в 1862—1863 г. *).

3 августа 1862 года, доценту Харьковского Университета Потебне была разрешена двухгодичная заграничная командировка с ученою целью; 18-го августа он выехал к своему товарищу, И. Е. Беликову, из Петербурга, а в сентябре был уже в Берлине и приступил к занятиям в университете. 26-го октября помечен первый его отчет Министерству Народного Просвещения **); он сообщает, что время до начала лекций он „употребил... на чтение санскритской грамматики Боппа и изданного г. Россовичем эпизода из Магабгараты“, а 15—27 октября он слушает санскритскую грамматику у профессора Вебера и занимается под его руководством (*privatim et privatissime*) переводами с санскрита. „Слушание других лекций (на пр. древне-германск. наречий у Мюллентофа, сравнительной грамматики у Штейнтала), — добавляет он, — я принужден оставить, так как приготовление к вышеупомянутым урокам занимает у меня почти все время“. Второй отчет (9—21-го января 1863 г.) ***) целиком посвящен подробному описанию занятий у Вебера ****).

*) См. особенно М. Халанский. Материалы для биографии А. А. Потебни. Харьков. 1909; 20 стр. — Сборн. Харьк. Инст. Физ. Ова, т. XVIII. 1909.

**) Журн. Мин. Народн. Просв. 1863. ч. CXVII, отд. II, стр. 49—50.

***) Журн. Мин. Народн. Просв. 1863 г. т. CVX, отд. II, стр. 253—254.

****) Заметим здесь кстати, что уроки эти, с которых Потебня упоминает в своей автобиографической записке, остались памяты не только ученику, но и учителю: 24 апреля 1877 г., т. е. спустя 15 лет, В. Ягич писал Потебне: „Напомню Вам нашего санскригиста Вебера, — он еще до сих пор не забыл Вас, он отзывался с восторгом о Вашем участии в его лекциях“.

Вслед затем, однако, Потебню, по собственному его признанию, „стала одолевать тоска“; письмо к И. Е. Беликову, написанное в конце 1862 или начале 1863 года *) уже не содержит личных впечатлений от виденного или прочитанного, но посвящено тому, что происходило в России. Потебня много говорит о польском восстании, об отношении к нему украинства и т. д. Правда, последний вопрос интересует его не с политической своей стороны, но как средство пробуждения и возбуждения национального украинского самосознания. „Что мы думаем о соединении с Польшей?—спрашивает он своего корреспондента.—Если у вас состоялись сходки, о которых мы говорили в Харькове, то не чуждайтесь общих разговоров о подобных вопросах. Они, т. е. вопросы, могут служить довольно сильным побуждением к занятиям украинской историей и этнографией“ **) Это отношение—не политика, но культурника Потебни—к польским событиям 1863 года необходимо запомнить для дальнейшего.

Для того, чтобы рассеять тоску по родине (вероятно, усугубленную известием о смерти младшего брата) и, вместе с тем, пополнить запас знаний, А. А. Потебня в мае 1863 года предпринял трехмесячную поездку по славянским землям. „Лекций я не слушал,—сообщает он в своем третьем отчете Министерству ***),—исключая двух—трех чтений проф. Гатталы в Праге и Миклошича в Вене; наблюдений над языком простого народа я не делал, частью потому, что не находил нужным, частью, именно в Галиции, по причинам от меня независимым; тем не менее, поездка моя не осталась без пользы для моих занятий. Не говоря о некотором практическом знакомстве с языками—чешским, отчасти словенским и хорватским литературным (сербским), в Вене я имел случай познакомиться с г. А. Мажураничем, отличным знатоком чакавского наречия и воспользоваться его устными сообщениями и напечатанным им руководством“. (Далее следуют замечания о важности знакомства с чакавским наречием). В Вене Потебня познакомился с В. И. Ламанским и провел с ним „в самой оживленной беседе несколько приятнейших часов в течение одного, двух или трех дней“. Об этом знакомстве В. И. Ламанский вспоминал через 30 лет: „Его красивое, выразительное лицо, его живая, блиставшая оригинальным умом и богатством продуманных, из первых рук добытых сведений, речь, его любовь и чуткость к народной поэзии, его редкое, особенно у тогдашней молодежи, уважение к свободе и разуму народной жизни и мысли, его убеждение в народности науки в каждой стране, произвели на меня неизгладимое впечатление и внушили мне глубокое к нему сочувствие. О встрече нашей я ничего не записал, подробности наших разговоров мною забыты, помню, впрочем, что кроме языка и народной поэзии, шла речь и о русской литературе, и о разных наших и славянских делах. Помню также, что с глубокою грустью вспомнил он о своем безвременном погибшем младшем брате, жертве юношеских увлечений, передал несколько подробностей о лично ему знакомой и высоко им ценимой писательнице нашей—Кохановской“ ****). Несколько раньше опубликования выписанных строк, в одном из писем, к Потебне, Ламанский тоже вспоминал об этой встрече: „Рад, что Вы вспомнили и наше давнее знакомство. Я, конечно,

*) Халанский, op. cit. стр. 15—19.

**) Халанский, 17. Курсив наш.

***). Журн. Мин. Народн. Просв. 1863. т. СХХ, отд II. стр. 9-10.

****) Живая Старина. 1892. I, 128.

его не забывал и, признаюсь, что я тогда к Вам привязался. У меня хранится Ваша фотографическая карточка". (Неизданное письмо 23 января 1891 г.). В Праге А. А. Потебня познакомился и с Адольфом Патерою и с кружком молодых русских ученых, живших там,—между прочим с Веселовским и Фортунатовым *).

В путешествии А. А. Потебни по славянским землям останавливают наше внимание „непредвиденные обстоятельства“, помешавшие ему делать в Галиции „наблюдения над языком простого народа“. До недавнего времени о них совсем ничего не было известно; в 1916 г. о них рассказал С. Я. Штрайк, **) но ввиду того, что статья его напечатана в газете и, следовательно, погребена не только для широкой публики, но и для провинциальных исследователей, и что пишущий эти строки имеет кое-какие неизвестные дополнительные материалы, нелишним кажется снова остановиться на этом характерном эпизоде.

В бумагах Потебни сохранилось письмо к нему некоего Ігната Зінчанкас выпиской из галицкой газеты „Слово“; выписка эта вводит нас in medias res и мы поэтому приводим ее здесь, сохранив все особенности своеобразной орфографии.

„Слово, число 57, рочникъ третій, Суббота 20 Юлія (1 Августа) 1863. Новинки.—Въ половинѣ мѣсяца Юлія с. г. пребывалъ тутъ у Львовѣ черезъ килька дней Г. Александръ Потебня, адъюнктъ Харьковскаго университета, молодець лѣтъ около 23, настоящій Мало-Русинъ, а кождый зѣ нашихъ увѣдае, що се чоловікъ не дипломатиі, не политики, а такъ собѣ любитель своєї родної, зѣ тяжкого упадку подносящейся малорусчины, которому на умъ едино доля розвивающейся нашої словесности та думки о поднесенію просвѣты руско-народної. Яко Мало-Русинъ Г. Потебня куда жъ малъ у Львовѣ нашомъ удатися, где глядѣти собѣ знакомства, если не у братьей Мало-Русиновъ? И воистину, познакомился онъ съ нѣкоторыми изъ нашихъ, особливо молодыхъ Русиновъ, которыи надѣляючи его где-якими изъ своихъ Галицко-русскихъ сочиненій мали способность слышати прекрасный его говоръ украинскій, бесѣду, исполненну щирого отверстію и неложнымъ для матери—Украины восторгомъ. Вертаючи изъ Праги, где якійсь часъ пребывалъ для усовершенья своихъ студій въ санскритѣ и старо-славянщинѣ, малъ онъ намѣренье... ***). Житомиръ, Кіевъ ѣхати назадъ до Харькова; но увѣдавши у нас, що... Радзивиловъ власне въ ту пору не цѣлкомъ выгодна для спокойного путешественника, рѣшился онъ повернути путь зновъ мимо Прагу, Берлинъ, и далѣй въ Харьковъ. Въ самъ день отъѣзда возвано его до полиціи, извѣдывано за цель его путешествія, яко и за тое, чи знае говорити по-польски, та й безъ поданія близшихъ поводовъ освѣдчено ему коротко, абы як найскорше ѣхалъ прямо дорогою мимо Радзивилова до своего отечества. По его представленію, же для напоекъ вокрестъ Радзивилова жєлає онъ назадъ вертати на Прагу и Берлинъ, пристава полиція на се его желанье, однакжъ требовала абы в Празѣ дольше не здерживался. И того жъ дня, чемъ 9 (21) Юлія отъѣхалъ онъ изъ Льво-

*) В письме от 9 Zári 1863. Патера сообщает Потебне, что „Michašlom a Yeselovsky objel 9 zári z Prahy do Yidné...“ и дальше: „Fortunatol putule nyní po semernich. Cechach...“ О знакомстве Потебни с Веселовским в первую свою заграничную поездку, говорила пишущему эти строки М. Ф. Потебня.

**) Новое в биографии Ал. Аф. Потебни. (По поводу 25-летия его кончины).—Речь 1916 г. 28 ноября, № 328.

***). Кусок письма здесь вырван и несколько слов утрачено. А. И.

ва.—Такий есть простой фактъ, що до побыту Г. Потєбнѣ въ нашомъ городѣ. Якійсь враждебный дописователь Виденської Presse а за нимъ кринкоръ, Gonca i Gazety Narodowej представили фактъ сей далеко въ иномъ свѣтлѣ: соединили они побытъ Г. Потєбни (по ихъ-нему Potrebna) въ Львовѣ съ современнымъ приѣздомъ сюда якогось маркиграфа Паулуція, бывшаго подобно урядникомъ полиціи Варшавской, оповѣдають дальше, що той p. Potrebna używany ba poutoých missji, znośit sie z wielu osobami i duchownemi, należacemi do tak zwanych iwedojunkow, którzy w wielkiej leaz bie (было нашихъ русинсьвъ черезъ полъ години у г. Потєбнѣ всего на-всего: двоухъ) do hotelu angielskiego, jego kwartery pielgzymowali. А въ рускомъ музеѣ народовомъ (которого фактично еще и нема) и въ камнѣ рускомъ przyjmowano go z wielkimi honorami (власне, у насъ то тот honory!). Въ концѣ же додае той кореспондентъ злосливъ: Pan abjunkt uniwersytetski byl by nazawodnie zebrol we Lwowie moterjaby do swoich badan uczonych, gdyby s k. policja nie dala mu bula kategorycznego zlecenia, aby wyruszył notuchmiost w dalsze palrzn do Charkowa. W skuten tego (потъ) zmienil p. Potrebna pierwotny plan podorózy i udol sie do Berlina. Jak sly-choi, nie pozwoleno tu w Krakowie rce zatrzytac До той денунціації нѣмецкои Presse прибавляе Gaz. Narod. Szezeżuly, podane o p. Portrebie, sa niezawodina prawda.—О, братья Поляки, тожъ таке ваше фатерство для Малой-Руси, для Украины, котора ніякъ не препятствуетъ вамъ зноситися дружно во всѣхъ концяхъ свѣта вже не ино для цѣлей литературныхъ, але и всякого рода политичныхъ*.

Слухи о высылке Потєбни изъ Львова разными путями получили значительное распространение, какъ водится, сильно исказились в передаче досужихъ людей и породили легенду о том, что Потєбня былъ арестованъ во Львовѣ и т. п. Н. И. Пирогов, бывший в то время руководителемъ молодыхъ людей, готовящихся к профессуре и командированныхъ Мин. Нар. Прос. за-границу, и жившій в Гейдельберге, писалъ 10 октября 1863 г. министру народного просв., А. В. Головнину: „Изъ некоторыхъ германскихъ газетъ я узналъ об участіи Потєбни. Я его виделъ в мартѣ месяце в Берлине, нашелъ болезненнымъ и советовалъ отдохнуть. Я никакъ не ожидалъ, чтобы онъ могъ пуститься в политическую пропаганду. Товарищи, которые его коротко знали и которые не имели никакой причины скрывать что-нибудь отъ меня о немъ, все относятся про него, что онъ прилежно занимался языковедениемъ, не былъ ни в какихъ сношенияхъ со своимъ братомъ, убитымъ в Польшѣ, былъ, напротивъ, недругомъ поляковъ, но и не отчаяннымъ украинофиломъ. Потому всехъ его знакомыхъ удивила вѣсть об арестовании его в Галиции австрийскимъ правительствомъ. Многие еще до сихъ поръ сомневаются и спрашиваютъ у меня“ (цитируемъ по упомянутой статьѣ С. Я. Штрайка). Проникнувъ же в Россію, слухи эти не замедлили отразиться в печати: в одной изъ статей катковскихъ „Московскихъ Вѣдомостей“*) появились следующие строки:

„Во Львовъ сѣзжаются агитаторы со всего свѣта и, между прочимъ, изъ Россіи. Мне пишутъ про некоего профессора одного изъ русскихъ университетовъ, поляка, конечно, который недавно такъ сильно ораторствовалъ, убеждая тамошнихъ русскихъ, в виду общаго блага, подчиниться полякамъ и пожертвовать на время (неопределенно долгое, быть можетъ?) своею национальностью, чтобы отделаться отъ москалей и немцевъ.— Племя Бакуниныхъ и Герценовъ не перевелось у насъ, какъ видите, съ тою еще разницею, что молодецъ, про котораго я пишу, совершивъ свою польскую миссію в Галиціи, при-

*) Письмо X. изъ Петербурга—Московск. Вѣдом. 1863, 17 августа.

едет к открытию учебного курса и будет ее продолжать в России, пользуясь за это жалованием, которое притом, по новому уставу, довольно значительно и позволит ему откладывать кое-что в польскую национальную перевирку". — В следующем номере тех-же „Московских Ведомостей“, по словам С. Я. Штрайха, сообщение это было повторено в более определенном тоне, причем относительно национальности пропагандиста - профессора прямо сказано, что он — поляк, без предположительного „конечно“.

Обе эти заметки вызвали следующее печатное опровержение А. А. Потебни.

„В июле этого года, на третий или четвертый день моего пребывания во Львове, тамошняя полиция, не объявивши причин, приказала мне немедленно оставить город. Вслед за тем, в венской газете „Presse“ появилась корреспонденция из Львова, в которой я назван шпионом русского правительства. Польские газеты (кажется, „Gazeta Narodowa“ и др.), взявши это известие из «Presse», прибавили к нему от себя заверение, что оно совершенно справедливо.

Вскоре после этого, в 176 и 177 №№ „Московских Ведомостей“, доведено до сведения публики, что профессор одного из русских университетов, посланный за-границу на казенный счет, был на днях во Львове в качестве польского агента и намерен продолжать свою польскую миссию, возвратившись в Россию к открытию учебных курсов.

Так как, сколько известно, из посланных за-границу с ученою целью, только я один был недавно во Львове, и так как только я воротился на место службы к началу лекций, то я должен принять это обвинение на свой счет.

Я не видел надобности опровергать первое из приведенных обвинений, полагая, что бессовестность австрийских и польских газет довольно известна в России, но чтобы молчанием своим неподавать повода к неосновательным толкам, считаю нужным заявить, что и второе, противоположное первому, обвинение, есть клевета. Доцент Харьковского университета А. Потебня. Харьков. 9 сентября 1863 г. *.)

Чтобы покончить с известными нам сведениями об этом инциденте, приведем еще отрывок из корреспонденции одного словака о злоключениях нескольких молодых русских ученых, путешествовавших по славянским землям и подвергшихся различным притеснениям со стороны австрийского правительства: „Нынешним летом также был неприятный случай с нашим молодым ученым, г. Потебнею, который на казенный счет отправлен в славянские земли. Он пробыл некоторое время во Львове и, разумеется, виделся там с некоторыми галицко-русскими литераторами. Без малейшего повода с его стороны, полиция вдруг приказала ему оставить австрийские владения и ехать в Россию через польскую границу, вероятно, считая его русским агентом. Так как в настоящее время трудно было бы отправиться через взволнованный край, то г. Потебня едва-едва мог выпросить позволения возвратиться в Россию через Прагу, где я и виделся с ним. Тут дело не обошлось без польской интриги“.

Таковы все, известные нам, фактические сведения о высылке Потебни из Львова. Как отмечал уже сам Потебня в приведенном выше письме его, сведения эти, в конечном итоге основанные на сообщениях немецких, польских и русских газет и на

*) Харьковск. Губ. Введ. 1863 г. № 39. Это письмо, вероятно, имел в виду А. В. Голвчин, когда отвечал Н. И. Пирогову: „Что касается магистра Потебни, то он возвратился в Харьков и печатно опровергал возведенные на него австрийскими газетами клеветы“.

слухах, в сущности, взаимно исключают друг друга: по одним источникам (немецкие и польские газеты) Потебня—тайный агент российского правительства, по другим (русские газеты, слухи)—польский шпион. Нет, конечно, нужды доказывать, что Потебня не был ни тем, ни другим. Здесь уместно привести одну цитату из письма Потебни к Беликову, обрисовывающую до известной степени его политическую позицию в то время. «Если пропаганде польско-католической,—пишет он,—небудет противопоставлена пропаганда украинско-православная, подобная галицкой, деятельности которой, со скрежетом зубов отдадут справедливость сами поляки, то, рано или поздно, Польша оторвет от нас не один быть-может миллион украинского народа». «Не поможе милий Боже і воскова свічка», ни правительство, которое нигде и никогда не в силах своими суррогатами (напр., насильственным обращением в православие) заменить деятельность общества (Халанский, *op. cit.* 16). А. А. Потебня был сознательный интеллигент-украинец, и это вполне определяет его политическое лицо: он не мог почувствовать полякам в их борьбе против российского правительства, потому что считал борьбу эту не результатом социального движения, но продуктом шляхетско-шовинистической пропаганды*), но вместе с тем, он не мог быть и на стороне российского правительства, враждебно относившегося к украинскому национально-культурному движению.

За что же, в таком случае, Потебня был выслан из Львова? В чем корень возведенных на него клевет? Почему и в России существовали попытки травли ученого, если и интересовавшегося живо политикой, то никогда не действовавшего активно на политической арене? Объяснения, предлагаемые ниже, конечно, суть только наши догадки, но, как кажется, они весьма близки к истине.

Из Львова Потебня мог быть выслан именно, как сознательный интеллигент-украинец. Начало 60-х годов как раз ознаменовано в Галиции борьбой австрийского правительства с руссо(украино)фильством. Предположение это станет еще правдоподобнее, если мы вспомним, что в корреспонденции «Слова», равно как и в «Харьк. Губ. Вед.», упоминается о посещении Потебнею некоторых украинских кружков. В России же в середине 1863 года, получил широкую известность офицер Потебня (Алексей Афанасьевич), земледелец, один из немногих, примкнувших к польскому восстанию, убитый в одном из боев. Тождественность фамилий и сходство инициалов, вместе с существовавшей тенденцией видеть всюду следы польского шпионажа и польской интриги, все это вместе взятое, ввело в заблуждение отечественных «охранителей», зорко следивших за крамолой, и послужило основанием всех слухов, отразившихся и в прессе.

Айзеншток.

*) Таков был взгляд и других передовых украинских деятелей (В. Б. Антоновича, П. И. Житецкого, М. П. Драгоманова и др.), воздержавшихся от участия в восстании и от привлечения на сторону поляков украинской интеллигенции, именно по указанным соображениям.

Еще о Ягиче и Потебне.

В нашем распоряжении имеются 16 писем В. Ягича к Потебне и черновик одного письма Потебни к Ягичу. Откладывая опубликование этой переписки в целом на будущее время, считаем нелишним, в дополнение к заметке акад. Н. Ф. Сумцова, сообщить несколько отрывков из нее.

Переписку начал Ягич; прочитав в статье Потебни, „Заметки по исторической грамматике русского языка“, примечание о том, что автору остается неизвестным ряд статей Ягича, он послал Потебне некоторые из оттисков своих работ. Краткое письмо, сопровождающее посылку, заключается следующей фразой: «Прошу Вас принять их (оттиски И. А.), как доказательство того уважения, которое я уже давно питаю к Вам, как отличному представителю славянской филологии, умеющему заниматься славянской наукой настоящим научным образом». (Письмо недатировано; относится к 1874 г., ибо упомянутое замечание Потебни напечатано в Журн. Мин. Нар. Просв. 1874, № 4, отд. II стр. 374).

В следующем письме, помеченном уже 24 апреля 1877 г., Ягич предлагает своему корреспонденту написать (для жур. *Archiv für slavische Philologie*) рецензию на книгу А. А. Кочубинского («К вопросу о взаимном отношении славянских наречий»), прибавляя при этом: «Вы поверите мне, когда я откровенно скажу, что никого в России, кроме Вас, не считаю компетентным правильно судить об этих тонких но очень важных вопросах». В этом-же письме находим одно ценное для биографа Потебни сообщение: «Я напominю Вам нашего (берлинского И. А.) санскритиста Вебера—он еще до сих пор не забыл Вас, он отзывается с восторгом о Вашем участии в его лекциях. Он просит меня кланяться Вам». Рецензия на книгу Кочубинского не была написана Потебнею, так как в это время он был отвлечен рядом других работ: рецензией для Академии Наук на литовский словарь бр. Юшкевичей, «Словом о полку Игореве» и др.

Для того-же, чтоб доказать свою готовность принять участие в журнале Ягича, Потебня послал ему свою статью «О некоторых случаях влияния небности на согласные звуки» (К истории звуков, II, 1—70), которая появилась в немецком переводе под заглавием: «*Veber einige Erscheinungsarten des slavischen Palatalismus*» (*Archiv*, V, III, S. 358—381, 594—614). По поводу этой статьи, Ягич писал (3 октября 1878 г.): «Я полагаю, что Ваша статья имеет то большое преимущество, что заставляет много думать и задумываться над самыми разнообразными явлениями славянских языков. Кто и несогласится с Вами во всех отдельных толкованиях, все-же не может не почитать Вашей тонкой наблюдательности. Такого-же мнения нетолько я, который

с интересом читал и переводил Ваши положения, но и мой сотрудник Лескин. Как странным напротив мне показалось новое издание фонетики церковно-славянского языка Миклошича, который, на пример, все еще учит, что *st* перестановкою произошло из *ts* и все еще не уважает такое количество данных, доказывающих, что в ШТ не может быть речи о *t*, но во всяком случае *t'*. Я имел случай говорить об этом с Миклошичем в Вене и он, кажется, начинает сознавать что не он прав, а Вы и другие, объясняющие это иначе».

В середине 1880 г. Ягич был избран академиком и профессором Петербургского университета, и переехал из Берлина в Петербург на постоянное жительство. К этому времени относится его обширное письмо (22 октября 1880 г.), в котором он делится с Потебнью своими планами и предположениями привлечь последнего к осуществлению их. «Вы, должно быть, не знаете,—пишет он,—сколько колебаний предшествовало моему решению согласиться на сделанное мне отсюда предложение. Уверяю Вас, что, в числе других аргументов, играл немаловажную роль и тот, что я желал Вас видеть в С.-Петербурге. Очень жаль, что положение академика 2-го отделения не такое, как 1-го и 3-го, чтобы он мог существовать на одни эти средства. Как охотно бы я уступил университетскую должность Вам! Но что до сих пор нельзя было, это может быть удастся современем: ведь не навсегда должна Академия Наук остаться в теперешней разрозненности? До тех пор я желал-бы Вашего деятельного участия по крайней мере в изданиях Академии Наук. На этот счет, я должен признаться Вам, я не вполне согласен с тем, как теперь дела идут у нас; я желал-бы, чтобы Академия задала себе исполнение академических, т.-е. соединением многих научных сил постигаемых задач. Эта задача включает в себе: 1-е планы по изданию словарей, 2-е по собиранию материалов для подробного исследования славянских языков, наречий и говоров. По обоим пунктам Вы можете нам оказать большие услуги, если Хотите принять, и советом и делом, участие в наших предприятиях. Вот, например, я, как представитель славянских наречий задаюсь планом издания сравнительного словаря славянских наречий. Я рассчитываю на содействие и участие: Гебауера по чешскому, Брикнера по польскому, Лескина по лужицкому, Дринова по болгарскому, Крека по словенскому, Ваше по русскому наречию или языку. Хотите-ли Вы посвятить частицу своего времени этому предприятию? Пока у меня план в общих чертах такой: потребовать от Академии назначения известной ежегодной суммы для собирания материалов на карточках. Слова с подходящими примерами и переводом или объяснением следовало бы вносить или записывать на карточки, но по обдуманному плану, с соблюдением всей осторожности... У меня еще не выяснилось, в каком объеме должно каждое отдельное славянское наречие войти в такой общий сравнительный словарь. Я не жалею на первых порах слишком обширного труда, только чтобы он скорее был сделан, на пример, в течении 4—5 лет. Весьма желательно бы узнать об этом Ваше мнение». Аналогично приведенному и письмо из С.-Петербурга от 1 марта 1884 г., где Ягич приглашает Потебню принять участие в затеянных им «Исследованиях по русскому языку», «в которых были бы сосредоточены главнейшие труды современных специалистов по русскому языку, поскольку они пожелают участвовать в этом издании», «было бы очень приятно видеть и Вас в числе сотрудников», прибавляет В. Ягич,—часть Ваших исследований, за которыми все мы следим с большим интересом, могла бы во всяком случае попасть в эти наши Исследования».

Следующее письмо Ягича, отделенное от предыдущего трехлетним промежутком, особенно характерно, ибо как нельзя лучше обрисовывает положение, которое занял Потебня в науке ко второй половине восьмидесятых годов. Это письмо мы приводим почти целиком.

«Давно уже собираюсь к Вам с письмом, даже с посылкою, и это не только по собственному желанию, но даже по поручению моих друзей московских. Я должен быть Вам теперь несколько ближе, чем прежде, уже потому, что два из бывших моих учеников, по моему желанию и их убеждению, решились ехать в Харьков к Вам. Вы их теперь уже знаете и оценили по достоинству. Ляпунов (Б. М., теперь профессор Одесского университета И. А.)—чистое золото, искренняя душа, правда несколько неподвижен, но солиден! Не знаю, как после тяжелой болезни, может и смеет ли он заниматься, но я возлагаю на него большие надежды, как ученого *pro futuro*, Григорьев дал мне несколько раз повод сомневаться в том, что из него выйдет, и на счот его я должен быть сдержаннее... Дай Бог, чтобы реальная обстановка юга России влила в его душу более благородную любовь к славянству, уважение ко всему бытовому разнообразию в семье славянских народов.

Но кроме этих двух есть еще и третий мой ученик в Москве—Шахматов (А. А., недавно скончавшийся академик. И. А.), самый выдающийся из всех. Вы теперь уже должно быть получили его труд о языке новгородских грамот, доказывающий замечательные филологические способности и громадную начитанность молодого юноши, не окончившего еще факультета! Ему принадлежит почин в затее исторического словаря русского языка, программу которого я Вам, по желанию его и всего кружка, собравшегося около него, предлагаю на обсуждение. Желание молодых людей клонится к тому, чтобы мы с Вами, вместе с Коршом и Фортунатовым, согласились взять на себя роль покровителей и руководителей этого предприятия. На Вас сильно рассчитывают уже потому, что надеются через Вас на участие иных из южан, так как в историческом словаре несомненно должны быть представлены все памятники русской старины без различия наречий.

Уступая просьбам Шахматова, а потом и Корша и Фортунатова, я решаюсь подойти к Вам с этим предложением, с этою нашею общею просьбою, не отказываясь от участия в этом деле, свидетельствующем, что у русской молодежи еще не прекратились благородные порывы и идеальные стремления. Не знаю, будет ли эта затея иметь практические результаты, но уже идея и стремление, по моему заслуживает поддержки с нашей стороны. В программе мне кое-что не нравится, но это можно исправить, прежде чем пустить ее в свет: пока главное дело заручиться участием молодых сил для работы и нескольких из нас для руководства. Для последней роли пока заявили свое согласие Корш и Фортунатов—по части этимологической, т.-е., по объяснению происхождения своих и иностранных слов, т.-е., хотя *in partibus infidelium*, не прочь участвовать и рекомендовать это предприятие моим здешним ученикам из русских. Если Вы согласитесь, тогда руководителей довольно, а может быть и сотрудники найдутся. „Заканчивается это интересное письмо вторичной рекомендацией вниманию Потебни своих учеников: „Рекомендую Вам Григорьева и Ляпунова; внушите им ту любовь к славянщине, которая в Ваших трудах столь приятно согревает читателя“.

Пятнадцатилетняя переписка почти совсем объемлет все заочное знакомство двух крупных ученых; лично они никогда не встречались. В последнем имеющемся у нас письме Ягича (Вена, 23 февраля 1889 г.), он сожалеет об этом: «У меня, по моей, должно-быть, вине, прервались сношения с товарищами по специальности. Да и то очень мало. Но с такими представителями нашей науки, как Вы, многоуважаемый Александр Афанасьевич, было-бы приятно побеседовать и чаще. Жаль, что не предвидится, когда мы встретимся для личного знакомства. Меня путь-дорога не ведет по направлению к Харькову, Вы обещаетесь прибыть к нам, т.-е., если не в Вену, так хоть бы в Прагу». В этом же—последнем письме Ягич сообщает интересный факт, показывающий, что исследования Потебни, несмотря на язык их, все же проникают в Западную Европу: «Не знаю,—пишет он, —дошла ли до Вас статья д-ра Форсмана из Штрассбурга о употреблении неопределенного наклонения в Остром евангелии? В этой удачной монографии, появившейся довольно неожиданно (по крайней мере для меня) на западной окраине Германии, отдается полная справедливость Вашим глубокомысленным синтаксическим исследованиям».

Мы далеко неисчерпали содержание писем Ягича, мы совсем не воспользовались письмами Потебни: и то, и другое найдет место (с подробным комментарием) в подготавливаемой пишушим эти строки к печати переписке Потебни. Все же, думается, и приведенные строки достаточно ясно характеризуют отношение Ягича,—„патриарха славяноведения“—к знаменитому русскому ученому, и вместе с данными приведенными выше акад. Н. Ф. Сумцовым, дают определенную картину этих отношений.

Айзеншток.

И. А. Соколянский и Потебня.

Уже вскоре после смерти Потебни в среде его почитателей,—в недрах историко-филологического общества родилась идея учредить премию имени покойного ученого, чтобы таким образом привлечь и юные силы—студенчества—к работе над усвоением учения Потебни.

Осуществить этот замысел в ту пору было нелегко: и в Харькове собрана была сумма небольшая, а обращение в другие университетские города (что только и было разрешено) дало одинокие рубли. Но „капля долбит камень“—исподволь набралась сумма, процентов с коей были достаточно для образования обычной студенческой премии.

Было написано несколько сочинений на темы из круга интересов Потебни по предложению членов историко-филологического общества, и удостоились премии. Приятно было видеть, что работы эти захватывали тех, кто за них брался.

В 1916 году та же мысль самостоятельно возникает, под гром пушек, в среде кубанских пластунов. Среди тамошней интеллигенции живет и мыслит незаурядная, интересная личность, как это уже видно из статьи Н. Ф. Сумцова,—Ив. А. Соколянский, многое переживший и передумавший под влиянием Потебни. Под Рождество он как-то заговорил о Потебне со своими товарищами и так увлекся и увлек за собою слушателей, что они тут же набрали в его шапку 500 руб. с тем, чтобы поскорее была написана, премированная этой суммой, биография очаровавшего их Потебни.

В среде харьковских почитателей Потебни это событие вызвало восторг. Н. Ф. Сумцов поместил в „Южном Крае“ задушевную статью. Мне было поручено историко-филологическим обществом, как одному из непосредственных учеников Потебни и не раз дававшему отзывы о работах на премии Потебни,—подыскать лицо, которое смогло бы взяться за эту ответственную работу и в возможно близком будущем выполнило ее. По желанию учредителей стипендия биография должна быть выпущена в свет на украинском языке. После долгих переговоров мне удалось найти лицо, как будто со всеми данными для работы—Н. А. Плевако, который уже писал работу на премию П—ни и владел украинским языком. Работа была начата, но, к сожалению, ряд неблагоприятных обстоятельств заставил Плевако покинуть Харьков и оставить начатую работу.

Несколько позже работой этой заинтересовался студент И. Я. Айзеншток, и вот уже 4 года ведет эту работу. Так зерно, посеянное И. А. Соколянским и его товарищами, взросло и зреет.

Почти одновременно с письмом на имя Н. Ф. Сумцова стал получать и я письма от Соколянского; он знал некоторые из моих работ и просил выслать ему все, что относится к Потебне, что и было мною охотно исполнено. Переписка наша с 9 марта 1917 года перешла в изложение духовного credo Соколянского („До біології-мови“) на 12 исписанных кругом почтовых листах, к сожалению прервавшаяся в силу внешних обстоятельств. Соколянский в одном из писем просил меня сделать где-либо, если найду его статью интересной, доклад о ней, что я и выполнил было, но во время моей тяжелой болезни и отсутствия вне дома долгое время и реферат мой утрачен, а особенно досадно, что затерялись и 2 листка из этих писем.

Письма эти крайне интересны и со стороны понимания Потебни лицами не филологического образования и распространением его идей на другие области сознания. Поэтому считаю необходимым, в дополнение к статье Н. Ф. Сумцова, привести несколько выдержек из этой переписки (по-украински).

В занятиях Соколянского педагогическими вопросами, как он говорит: „Якось само по собі зосереджувалось все на мові, і це я спостеріг вже тоді, коли сила матеріалу була досить численна... Після того я кинувсь ширше познайомитись з філологічними науками і прийшов до того самого—до мови. Висновки, до яких я прийшов, суть такі, що за ними можна збожеволіти, бо так вони суперечать нашим суцасним поглядам на безліч явищ життя...“

З великим навчителем нашим О. О. Потебнею (з його творами) я познайомився під ті часи, коли я кинувсь до широкої філології. То були для мене страшні хвилини, коли я зрозумів ідеї нашого генія: я мало розуму не втеряв. Переглядаючи твори світових геніїв науки, ми не знайдемо того, що винайдено Потебнею. Я може прибільшую, але глибоко й непорушно певен в тім, що *Потебнею починається нова ера наукова*.

Мусить одмінитись психологія, філософія, педагогіка, соціологія. Мені хочеться знайти людину, якій би я міг передати весь матер'ял, може б та спасенна людина, якій би все віддав, довела б до кінця і цим прислужилась спопуляризованню ідей Потебні, бо він давно вже розчистив шлях для дальших дослідів... Так один я зі своїми думками і живу.

Від видання моєї праці мене стримує многе, а головне—мова. Я не хочу видавати другою якою мовою, крім рідної мені української, але знаюсь я в ній мало, бо і свідомости своєї я осяг самотужки, можна сказати. Видати чужою мовою—суперечить моїм принципам—і цим я не поступлюсь.

Спочатку я дав назву своїй праці: „Основи лінгвістичної психології“, але як став ширше розробляти теорію пситтацизмів і добувати нові факти, то довелось ґрунтовно переробляти попередню розвідку і дати їй иншу—прямо „*Біологія мови*“. Це сталося на позиціях. Теорія пситтацизмів власно дотикається систему педагогічного, з якою цілком усовуються тези психології до наших часів (до Потебні) і навіть сама стара психологія для мене не існує“.

Соколянський пройшов хорошу психологічну школу під керівництвом Нечаєва і Верениуса, усердно працював у лабораторії експериментальної психології, і йому одно время уже казалось, що он нашел все, чего искал. Однако, столкнувшись в дальнейших своих исканиях „істоти мови“ на практиці, в спостереженнях над глухонемыми, которых он одно время обучал с целью добыть новые материалы для своей работы, он ясно понял, что и экспериментальная психология „оперує так само абстрактними врозуміннями в приложенні до визволення душі людини“.—В заняттях с глухонемыми И. А. Соколянський ясно убедился, что основания новейшей педагогики всецело опираются на созданные в кабинетах ученых, вдали от жизни, теории. Он понял, что необходимо „звернути увагу на мову, не як на засіб переведення знання, а як на щось більше, що має велике значіння для науки“. „Відокремлення слова від врозуміння, що слово не може бути врозумінням, але не завше може бути ним вважаємо за поступ в системах логічних та психологічних... По—новому врозуміння словом може бути, але слово врозумінням може і не бути. Слово для педагогіки цілком мусить бути утотожене з врозумінням. Для психології слово врозуміння є уявлення, все те, що є змістом наших переживань; для логіки спільність уявлень того, що є змістом наших переживань.

Коротко кажучи, для психології врозуміння—одиниця змісту психічних переживань, а для логіки абстракція тих переживань. Чим же мусить бути врозуміння для педагогіки? Одним, а саме—словом. Педагогіка поруч зі словом там, де психологія і логіка оперують з врозумінням. Педагогіка усовує всяку спекулятивність, всяку абстракцію. Для педагогіки слово має потрібне значіння: з боку форми, з боку змісту і з боку обсягу. Ця потрібність слова нам з'ясує так багато, як не з'ясує ніяка психологія і логіка. Цю потрібність слова і спостеріг при пильнім дослідженні з боку педагогічної природи слова, природи мови. Форма слова дотикається виголошення сполучення звуків; зміст слова дотикається „суб'єктивного“, обсяг слова дотикається «об'єктивного». Ця потрібність слова має величезне значіння в висвітленні природи мови. Про це я кажу ще раз».

— «Всі сучасні й досучасні погляди на мову можна звести до одного: мова є засіб переведення до життя думки; втворена вона в тім часі, коли людина (первісна) перейшла на групування. Геніяльне спостереження Потебні—нахил до імаїнності доводить нам, що мова поперш усього не засіб, а процес т. т. здібність, і розвиток її не рівнобіжно простує духовному розвитку людини є самий той духовний розвиток.

До Потебні в цім напрямку ми не могли б міркувати, а за його дослідями маємо змогу висвідчити найскладніше питання.

— Мова є та червона смуга, яка проходить від найпростішого (одноклітчного) животвору до найскладнішого (людини), і споріднює всі існуючі і вімерлі форми живих істот. Мова починається там, де починається життя взагалі. Нелюдина втворила мову, а навпаки мова (т. т. ґрунтова біологічна здібність) втворила людину.

При сопоставленні ідей Фрейда, шедшого совершенно иным путем к разрешению вопроса о психических ненормальностях, с идеями Потебні, Соколянський быя «страшенно вражен геніяльністю українського мислителя»: психолог и философ языков совершенно разными путями пришли к одному: «Яку-б з сучасних хвороб (функцієвих) ми не просліджували, ми спостерігаємо, в решті решт, що вона зво-

диться до збурення рухів, до збурення мови». Изучая эти явления, Соколянский ходит к выводу, что звуки и движения в своем развитии идут по пути сохранения энергии. «Витворений вперше звук має теж саме значіння, як і рух, і навіть біль як ціла система рухів в їх координації, звук заступає систему рухів з надбання тожньої біологічної значимости».

На этом, к сожалению, переписка прервалась, и крайне интересная теория, по-своему подошедшего к совпадению во многом с идеями Потебни, а от идущего вширь его идей (чему в последнее время посвящено несколько статей и заметок), остается незаконченной.

А. Вегузов.

К описанию рукописей А. А. Потебни.

29/XI 1891 г. умер великий ученый—философ-лингвист. Вскоре после смерти, мысль покойного явилась мысль—привести в систему оставшиеся рукописи, готовые к печати, незаконченные—отдать для просмотра и издания Академии Наук. Для этой цели М. Ф. Потебня пригласила учеников своего покойного мужа: В. И. Харциева, А. В. Ветухова, В. А. Лезина и Р. И. Кашеринина, которые немедленно и приступили к своим очень трудным обязанностям, ибо почерк А. А., неровный, плохо поддающийся разбору,—крайне затруднял и без того нелегкую работу.

Привести в систему груды рукописей, чрезвычайно богатые мыслями, среди которых попадались иногда одни лишь намеки, штрихи, отнести их к главным, связать воедино, причем не иметь права внести своего, кроме подбора материала и анализа его, была необыкновенной трудности. Три года упорно, с честью, совершенно беспрестанно, побуждаемые лишь любовью к идеям своего великого учителя, трудились упомянутые лица, и плодом их работы сначала явились «Записки по русской грамматике», т. III-й и «Из лекций по теории словесности».

Одновременно была переиздана «Мысль и язык», но, к сожалению, не были при этом редактором во внимание замечки и дополнения самого автора. Экземпляр с этими замечками тогда был, а теперь, к сожалению, утрачен.

На этом печатание и разбор рукописей на некоторое время прекратились. М. Ф. Потебня пыталась привлечь к печатанию и редактированию рукописей своего мужа Академию Наук, которая, однако, не согласилась взяться за это ответственное дело, мотивируя свой отказ тем, что лишь ученики покойного могут знать рукописи, их содержание и идеи. После долгого перерыва, однако, вышла в свет большая по объему необыкновенной ценности книга «Из записок по теории словесности», в 1905 г. отредактированная В. И. Харциевым, в изд. М. Ф. Потебни. Затем—опять долгий перерыв, и в 1914 г. не появились «Заметки о творчестве Достоевского и Л. Толстого», а также том сборника «Вопросы теории и психологии творчества».

Вскоре после этого появляются в печати, под редакцией самой М. Ф. Потебни, «Мысль и язык» в 3-ем издании, с приложением статьи о национализме; «Слово о Игоре», с заметками «О Задонщине»; «О некоторых символах». В 1918 году, по настоячивым просьбам И. Я. Айзенштока, вдова А. Потебни передает через Б. А. Лезина 5 папок рукописей в Историко-Филологический Архив при Университете. Летом 1920 г. жертвует Университету библиотеку своего мужа, среди которой нашлись и оригиналы, бывшие в типографии для набора. Через Б. А. Лезина М. Ф. еще раньше передала В. И. Харциеву часть рукописи «О глаголе».

По смерти М. Ф., наследники А. А. Потебни нашли еще довольно значительное количество рукописей, книг с пометками и добавлениями самого автора—А. А. через Б. А. Лезина передали в тот-же Архив.

Получилось огромное количество рукописей, ценность которых понятна всякому, кто хоть немного знает, кто такой А. А. Потебня.

Очень жаль, что не все рукописи попали целиком: отсутствуют страницы; многое перепутано настолько, что требует очень долгого времени для разбора. Но есть—неоценимое сокровище, которое надо скорее и как можно в лучшем виде издать.

Настоящее описание рукописей—первый опыт, чтобы скорее дать возможность тем, кто интересуется этим материалом, легче и свободнее ориентироваться в нем. Подробное описание будет помещено в библиографии А. А. Потебни, подготовляемой к печати И. Я. Айзенштоком.

Лезин.

Описание рукописей А. А. Потебни. *)

Папка № 1.

1. *Язык и народность*. Черновик статьи. На 44 лл. in 4°. Конец рукописи ут-
рачен. Напечатана впервые в «Вестн. Европы», 1895, сентябрь; позднее перепечата-
на: 1) Из записок по теории словесности. Харьков, 1905, стр. 159—198; 2) Мысль
и язык. Изд. 3-е. Харьков, 1913, стр. 187—220.
2. *Метафора*. Черновые наброски—конспекты лекций. На 20 лл. in 4°. См. Из-
вестия по теор. слов., 260—273.
3. *Сравнения*. Черновые наброски и конспекты лекций. На 47 лл. in 4°. См. Из-
вестия по теории слов, 273—299.
4. „Эпос. Общие свойства“. Отличие лирики (*prae lens*) от эпоса (*perfectum*). Раз-
личия между эпосом и драмой. (Определение эпоса. Черновые наброски. На 5 лл. in
См. Из записок по теор. слов., 531—537.
5. *Языкознание и история литературы*. Черновые наброски лекции. На 7 лл. in 4°
6. *Язык и языки*. (по поводу статьи М. Мюллера в «Deutsche»
новые заметки. На 10 лл. in 4°. См. Из зап. по теории слов, 623—670.
7. *Басня*. Черновые наброски лекций. На 62 лл. in 4°. См. Из зап. по теории
слов, 309—332.
8. *Отношение язычества к христианству, веры к знанию*. Черновые наброски. На
10 лл. in 7°. См. Из зап. по теор. слов., 606—615.
9. *Заговоры*. Черновые наброски рецензий на сборники заговоров Л. Майкова и
Ефименко. На 8 лл. in 4° (лл. 6 об.—8 об. чисты). См. Из зап. по теор. слов. 615—621.
10. *Конкретность мышления*. Черновые заметки из области мифотворчества. На
11 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 427—481.
11. *Лучший журавль в небе, ниже синица в эмені*. (Небесное, объясненное зем-
ным, представляется причиной земного.—Субъективный образ предмета и явления
представляется причиной явления.—Образ важнее изображаемого). Черновые за-
метки и наброски по теории мифотворчества. На 17 лл. in 4°. См. Из записок по теор.
слов., 481—494.
12. *Умозаключение в области метафоры и метонимии*. (Образ—причина яв-
ления.—От сходства к причине.—Лекарства от сходства.—От сходства к причинности.
Мифическое мышление.—Умозаключение в области метонимии.—Умозаключение

*) В описании рукописей А. А. Потебни принимали участие И. Я. Айзеншток, А. Н. Синя-
ев, Б. А. Лезин, А. В. Ветухов и К. Т. Немчинов. Сводка всех названных работ принадлежит
Я. Айзенштоку.

pars pro toto). Черновые наброски и материалы к лекциям по теории словесности. На 24 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 494—512.

13. *Понятие денег, род (общее)*. Заметки и материалы. На 31 лл. in 4°. См. Из зап. по теории словесн.

14. *Отношение теории словесности к мифологии*. Об участии языка в образовании мифов.—Религиозный миф. Наброски лекций. На 21 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 583—606.

15. *Общие замечания о народной поэзии*. (Поэзия устная и письменная; песня на протяжении своей жизни является не одним произведением, а рядом вариантов; ретроспективность мысли; период народной поэзии есть время крепкой веры в авторитет; о происхождении мифа и рост его в народной поэзии; из мифов возникают сказки. Разбор религиозных взглядов на сказки Миллера, Веселовского, Афанасьева. Разряды сказок. Проказы волка. Отчитывание мертвой ведьмы или заколдованной девицы. Козел да баран и волки—дурень с братьями и разбойники—бесстрашный и разбойники. Зимовье домашних животных. Петух и лиса. Ивась и ведьма). На 30 лл. in 4°. (ркл. обрывается; судя по пометке на обложке, должна состоять из 48 лл.; возможна находка окончания в неразобранных рукописях).

16. *Ирония*. Черновые наброски и заметки. На 14 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 381—394.

17. *Отношение понимания к поэтическому образу*. Историчные календарные мифы и обряды. Исторические мифы. Мышление поэтическое и мифическое. Критика мифического мышления. Отсутствие критики. Наброски и заметки. На 24 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 397—407.

Папка № 2.

1. *«Условия процветания и падения поэзии»*. Черновые заметки и наброски. На 27 лл. in 4°. Из зап. по теор. слов., 116—122.

2. *Поэзия и проза*. Черновые заметки и наброски. На 15 лл. in 4°. См. Из зап. по теории слов., 97—110.

3. *Гипербола*. Черновые заметки и наброски. На 28 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 355—394.

4. *Определение поэзии*. Черновые заметки и наброски. На 6 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 1—17.

5. *Значение поэтич. произв. для автора*. Черновые заметки и наброски. На 27 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 31—56.

6. *„Понимание“, Цель в искусстве, чистая и дидактическая поэзия*. Черновые заметки и материалы. На 57 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 56—59, 82—90.

7. *О тропах и фигурах вообще*. Черновые заметки и наброски. На 17 лл. in 4°. См. Из зап. по теории слов., 201—209.

8. *Общее о тропах*. Черновые заметки и наброски. На 23 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 340—355.

9. *Метонимия*. Черновые заметки и наброски. На 36 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 233—260.

10. *Вдохновение*. Черновые заметки и наброски. На 8 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 90—96.

Папка № 3.

1. *Вступительная лекция 1881—1892 г.* Набросок лекции. На 19 лл. in 4°. См. Из зап. по теор. слов., 631—646.
2. *Общие заметки о мифе.* Черновые наброски и материалы. На 21 лл. in 4°. См. Из зап. по теории словесности, 583—600.
3. *Наброски об Одиссее.* Конспекты лекции, читанной в 70-х г.г. На 11 лл. in 4°. См. Из зап. по теории слов., 531—537.
4. *Наброски перевода «Одиссеи» на украинский язык.* Тетрадка в желтой обложке, 8 лл. in 4°, писана карандашом. См. Из зап. по теории словесности.
5. *Перевод VII рапсодии «Одиссеи» на украинский язык.* На 24 лл. (лл. 23 об.—24 об. чисты); писана карандашом. См. Из зап. по теор. слов., 551—563.
6. *Заметка о Л. Н. Толстом.* Черновые наброски. На 8 лл. in 4° (лл. 7 об.—8 об. чисты). Издана В. А. Лезиным в *Вопр. теор. и психол. творч.*, т. V. Харьков, 1914, стр. 263—279.
7. *Заметки о В. Ф. Одоевском.* Черновик рецензии на диссертацию Н. Ф. Сумцова о В. Ф. Одоевском. На 8 лл. in 4°. Написано в конце 70-х г. При ркп. находится копия, сделанная М. Ф. Потебней; копия во многих местах не соответствует оригиналу. Неиздано, хотя ркп. пользовались для своих работ над Одоевским, Б. А. Лезин и П. Н. Сакулин.
8. *Частное при общем.* Заметки. На 17 лл. in 4°. К ркп. приложена копия на пишущей машинке, сделанная М. Ф. Потебней; копия во многих местах не соответствует оригиналу. Неиздано.
9. *Отзыв о диссертации Р. Шерцля:* «Разбор местного и дательного падежей в классических языках сравнительно с санскритским». Черновик. На 8 лл. in 4°. Написано в 1880 г. Неиздано. Беловая хранится в Архиве Харьковского Университета.
10. *Равное количество труда, знания и искусства требует равного вознаграждения.* Черновик записки, поданный в Мин. Нар. Просв., об изменении гонорарной системы вознаграждения профессорского труда. На 8 лл. in 4°. Неиздано.

Папка № 4.

1. Черновик рапорта в Ист. Филол. Факультет Харьковского Университета по поводу замечаний проф. П. А. Бессонова на диссертацию М. Г. Халанского «Великорусские былины Киевского цикла». На 6 лл. in 4°. ркп. неокончена и обрывается на середине фразы. Подлинник рапорта хранится в Архиве Харьковск. Ун-та. Неиздано. (Написано в 1888 г.)
2. Черновик отзыва о диссертации Н. Ф. Сумцова: «Лазарь Баранович». На 12 лл. in 4° (лл. 9 об.—12 об. чисты). Подлинник отзыва находится в Архиве Харьковск. Ун-та. Неиздано. Написано в 1885 г.
3. Лексический материал, выбранный из «Моления Даниила Заточника». На 18 лл. in 4° (лл. об.—7 об. чисты). Вероятно, материал для лекций. Неиздано.
4. Лексический материал, выбранный из договоров с греками. На 14 лл. (лл. 14—14 об. чисты). Вероятно, материал для лекций. Неиздано.

5. Рецензия на статьи П. А. Лавровского: «Исследование о мифических верованиях у славян в облако и дождь». 8 лл. in 4⁰. Неиздано. Написано в 1864 или 1865 г.

6. Ответ П. А. Лавровскому на его отзыв о книге Потебни «О мифическом значении некоторых обрядов и поверий». На 37 лл. in 4⁰. Неиздано. Написано в 1865 г.

7. *Значения множественного числа*. Беловая рукопись, с которой производился набор статьи. Без начала: перенумеровано рукой Потебни стр. 37—146. См. Филол. Зап. 1888 и отд. Воронеж, 1888, 76 стр. В конце ркп. пометка Потебни: «Январь 1887», определяющая время написания статьи.

8. «Значение множественного числа». Черновые заметки и наброски ст. 53 лл. in 4⁰.

9. Рецензия на книгу П. И. Житецкого: «Очерк звуковой истории малорусского наречия». Черновая рукопись: содержит много разночтений к печатному тексту: Отчет о 20-м присуждении наград графа Уварова» С.-Пб. 1878, стр. 764—839.

Папка № 5.

1. Рукопись III тома «Из записок по русской грамматике» без «Приложений». На 577 лл. in 4⁰. (из них 23 чисты) + 20 вставок.

Папка № 6.

1. Рукопись «Приложений и дополнений» к III т. «Из записок по русской грамматике». На 269 лл. in 4⁰ + 10 вставок. В ркп. многое перечоркнуто; иногда писано карандашом.

Папка № 7.

1. Рукопись «Дополнений» к «Из зап. по русск. грамм.» (См. «Из зап. по русской грамматике». Изд. 2-е, Харьков, 1888, ст. I-VI.) На 11 стр. in 4⁰.

2. *Прилагательные*. Заметки черновые. На 24 стр. in 4⁰. Ркп. неокончена; обрывается на полуслове. Неиздано.

3. *Именные суффиксы*. Черновые заметки. На 44 стр. in 4⁰ + 8 вставок. Неиздано.

4. *Склонение малорусских существительных*. Черновые заметки и материалы. Ркп. рассыпана: отдельные листки из нее попадают при разборке, в различных папках, так что установить в настоящее время какую-нибудь нумерацию листов представляется возможным.

5. *Склонение существительных*. Черновые заметки и материалы. К этой рукописи целиком применимо то, что сказано выше по поводу предыдущей.

Папка № 8.

1. Черновые (иногда лишь со следами обработки) материалы и заметки о глаголе. Намечаются следующие главы (отделы): «Повелительное наклонение», «Будущее», «Совершенство и несовершенство глаголов», «О видах», «Значение глаголов 3-й ст.», «Залог», «Есть ли времена в русском языке (наст. и буд.)». Установить нумерацию в данное время невозможно, так как отдельные, относящиеся сюда листки и вставки находятся, в процессе работы, в различных папках.

Папка № 9.

1. *О глаголе*: а) «Деление глаголов на виды», б) «О влиянии предлогов на виды». Заметки и материалы, отчасти обработанные. На 27 лл. in 4⁰. Неиздано. К ркп. приложена копия на машинке, снятая М. Ф. Потебней; копия во многих местах не соответствует оригиналу.

2. *О глагольных разрядах*. Заметки и материялы, отчасти обработанные на 24 лл. in 4°. Неиздано. К ркп. приложена копия на машинке, сделанная М. Ф. Потебней; копия во многих местах не соответствует оригиналу.

3. *Глаголы с. Н. в характере*. Заметка. На 4 лл. in 4°. Неиздано. К ркп. приложена копия, о которой тоже, что и выше.

4. *Ударение*. (Об ударении в глаголах, в склонениях). Заметки и материялы. На 50 лл. in 4°. Неиздано. К ркп. приложена копия, о которой см. тоже, что и выше.

5. *Материялы и дополнения к статье*. «О звуковых особенностях русских наречий». Экземпляр статьи (оттиск) с пометками Потебни и с вложенными в него листками с поправками и дополнениями.

Папка № 10.

1. *Предлог*: (от слитно; до; проти; пра, про, при; раз, роз; с и т. д.). Черновые заметки и материялы, лишь отчасти обработанные. На 77 лл. in 4°. Неиздано.

2. *Числительные*. Черновые заметки и материялы, лишь отчасти обработанные. На 42 лл. in 4°. Неиздано.

3. *Местоимения*. («Повторение существит. при местоимениях», «Превращение в союз и наречие», «он, ин» и т. д.). Черновые заметки и материялы, лишь отчасти обработанные. На 58 лл. in 4°. Неиздано.

Папки № 11 и 12.

Словарный материял. Заметки различных форматов, собиравшиеся, как видно по почерку, в течение всей научной деятельности Потебни. Определить количество листов в настоящее время совершенно невозможно, ибо материял требует нескольких месяцев упорной систематической работы. Образцы записей Потебни см. Прил. 2.

Папка № 13.

1. Рукопись «Объяснений малорусских и сродных народных песен», частью переписанная набело (типографский оригинал), частью — черновые наброски и материялы.

Папки №№ 14—18.

Разрозненные листки с заметками, черновыми набросками и материялами. Листки эти требуют самой тщательной разборки и проверки, при чем могут быть обнаружены даже целые статьи А. А. Потебни, разрозненные, разбитые и рассыпанные за 30 лет, протекавших со времени смерти их автора. Нелегкая, кропотливая работа разборки этих бумаг ведется в настоящее время коллегией ученых редакторов при Редакционном Комитете для издания сочинений Потебни; результаты этой работы будут своевременно опубликованы.

Приложение № 1.

Как известно, большая часть черновых материялов и набросков, оставшихся после А. А. Потебни, была издана в 1905 г. М. Ф. Потебней, под редакцией а иногда и с обработкой В. И. Харчиева («Из записок по теории словесности», Харьков, 1905 г.) При этом, по настоянию М. Ф. Потебни, рукописи издавались в окончательном своем виде, — в том виде, в каком застала их смерть автора; существенной особенностью этого принципа является то, что были оставлены без внимания все перечеркнутые автором места. Редакционный Комитет, издавая рукописи Потебни по возможности точно, признал желательным восстановление в печати этих исключенных

мест, полагая, что раз издаются *черновые наброски*, недолжно делаться различие между тем, что уже *было* исключено автором и тем, что *могло быть* исключено впоследствии. Невосстанавливаются исключенные места лишь в тех случаях, когда исключение диктовалось требованиями стиля. Для примера здесь приводится вычеркнутый параграф из вступительных чтений по теории словесности (Определение поэзии по роду и виду и т. д.); см. Из зап. по теории слов., стр. 1—17. После заключительных слов на стр. 5 в ркп. следует:

„Отличіе искусствъ отъ ремесль.“

Ремесло въ обширномъ смыслѣ совпадаетъ съ намѣченной выше практической стороной человѣческой дѣятельности. Искусство вмѣстѣ съ наукой входитъ въ составъ теоретической половины этой дѣятельности, ибо:

съ одной стороны, ремесло неотдѣлимо отъ производимой имъ вещи;

съ другой—часть искусствъ невещественна, другая, хотя подобно ремеслу тоже производитъ вещи, но такія, смыслъ коихъ заключается лишь во вліяніи ихъ воспріятія на составъ и образъ мысли, на душевное настроеніе челоѣка и во вліяніи на практику лишь черезъ посредство этого построенія. Вещественныя искусства могутъ сочетаться съ ремеслами. Ремесленное произведеніе можетъ быть въ то же время художественнымъ; но пользованіе ими разграничиваетъ эти стороны. На пр. столъ, какъ произведеніе архитектуры, скульптуры и живописи имѣетъ для насъ цѣну лишь по тому впечатлѣнію, которое онъ производитъ на зрѣніе, независимо отъ удобства и прочности. Художественность въ немъ можетъ несовпадать съ практической годностью.

Художественное произведение вообще, и в частности слово, по мысли В. Гумбольта, отличается отъ внѣшняго орудія (ремесл. произв.) тѣмъ, что въ послѣднемъ категоріи существа и цѣли по времени разграничены. Очки—чтобъ въ нихъ смотрѣть, ножъ—чтобъ имъ рѣзать. Сначала орудіе дѣлается, т.-е. само служитъ цѣлью, потомъ употребляется, т.-е. служитъ средствомъ внѣшней цѣли, и при этомъ портится. (То, что струнные инструменты и т. п. могутъ въ теченіе нѣкотораго времени улучшаться отъ употребленія есть лишь мнимое исключеніе).

Единственная цѣль художественнаго произведенія есть видоизмѣненіе внутренняго міра челоѣка, и такъ какъ эта цѣль по отношенію къ самому художнику достигается одновременно съ самимъ созданіемъ, то можно сказать, что художественное произведеніе имѣетъ цѣль въ самомъ себѣ, т. е. внѣшней цѣли неимѣетъ. Художественное знаніе, статуя, картина портятся, но не отъ того, что на нихъ смотрятъ, а независимо отъ этого, отъ разложенія вещества; но пѣсня, поэтическое произведеніе отъ пользованія, неразлучно съ воспроизведеніемъ, могутъ не только не портиться, но пріобрѣтать новую цѣну. На пр. представить себѣ простонародную пѣсню, воспроизведенную талантомъ, вооруж. всѣми средствами современнаго искусства и знанія.

Т. е. искусства относятся къ теоретической области человѣческой дѣятельности.

Приложение № 2.

Приложение № 2 не помещается вследствие большого количества иноязычныхъ текстовъ и отсутствія в типографіи подходящихъ шрифтовъ.

Приложение № 3.

Из черновых набросковъ А. А. Потебни.

Для характеристики того, что представляютъ собой черновые наброски А. А.

Потебни, в большей своей части даже неприведенные еще в систему, мы приводим здесь несколько фрагментов; правописание удерживается.

I. Заметка на четвертушке писчей бумаги, написанной с одной стороны; все написанное перечеркнуто двумя чертами по диагонали. Судя по почерку, заметка относится к последним годам жизни А. А. Потебни. Содержит заметка эта следующее:

«Вообще въ вопросѣ о заимствованіяхъ какъ въ языкѣ, такъ и въ т. наз. народной словесности, мы стоимъ еще на такой точкѣ, что вопросъ «взято ли?», «кто у кого?» рѣшается въ пользу первообразности того языка или той словесности, отъ которыхъ исходить изслѣдователь, въ которыхъ онъ начитаннѣе, къ которымъ онъ пристрастнѣе, тѣмъ пристрастіемъ, о какомъ въ пословицѣ «не по хорошу милъ, а по милу хорошъ». Такъ, положимъ, автору греч. грамматики, какъ говорится, и Богъ велѣлъ думать, что родъ раздѣлитъ въ Усл. и русс. «кото *васъ*» есть явное заимствование изъ греч.; а мнѣ, въ виду полной общности этого родъ, въ свѣтскихъ грам. XIV—XV (стр.) кажется, что на пр., въ «убише Доматира.., а Рушанъ (изъ жителей области города Русы)—Богъ... «Новъ I, 39, нѣтъ никакого заимствованія. Тутъ остается всякому тянуть свою ноту, не сбиваясь на чужой голосъ».

II. «Постоломъ добра воевать», въ заключительныхъ формулахъ Мр сказокъ. Не останавливаясь подробно на этихъ формулахъ, я все-таки долженъ перечислить главнѣйшіе ихъ разряды чтобы показать, въ какомъ изъ нихъ встречается упомянутое выраженіе. Подобно тому, какъ въ песняхъ я считаю начала изъ далека, лишь затронуты мною въ ст. «Малорусская пѣсня по списку XVI в.» чертою характерною и архаическою, я думаю, что сказка, представляющая лишь голое изложеніе событій, есть въ формальномъ отношеніи если не прямо изложеніе, то указаніе на то, что отъ сказки отступились и дарованія сказочниковъ и интересъ взрослыхъ слушателей. Напротивъ, кажется древней форма съ предисловіемъ, присказкою, въ коей, какъ на пр. въ Аф. Ск. II, 182—идеализованное указаніе на обстоятельства, при которыхъ сказывается сказка (пиръ) «когда удовольствованій голодъ славнымъ питьемъ и ѣдою», «Муза внушаетъ пѣвцу (чезр. сказочнику), возгласить о вождахъ знаменитыхъ», все равно, будутъ ли лицами историческими, какъ въ Од. VIII, 72 сл. или нѣтъ. Т. о. кажется явленіемъ относительно новымъ сказка безъ заключенія, или съ такимъ, которое похоже на точку на письмѣ: «тѣмъ сказка и кончилась»; „to je kraj“ (Voljan. N. pripovjedke, 21, 131). Лучше древнее, — когда къ этому присоединяются пожеланія, свидѣтельствующія о серьезномъ настроеніи рассказчика и слушателей: „Ove pripovesti je konec i kraj, nam pa bog daj te sveti raj“ (Val. ib. 197), что одно-одно съ многолѣтіемъ въ концѣ Мр. думъ и заключеніями серб. юнацкихъ пѣсен, какъ

То је било, кад се и чинимо,

И да си ми здраво, побратиме!

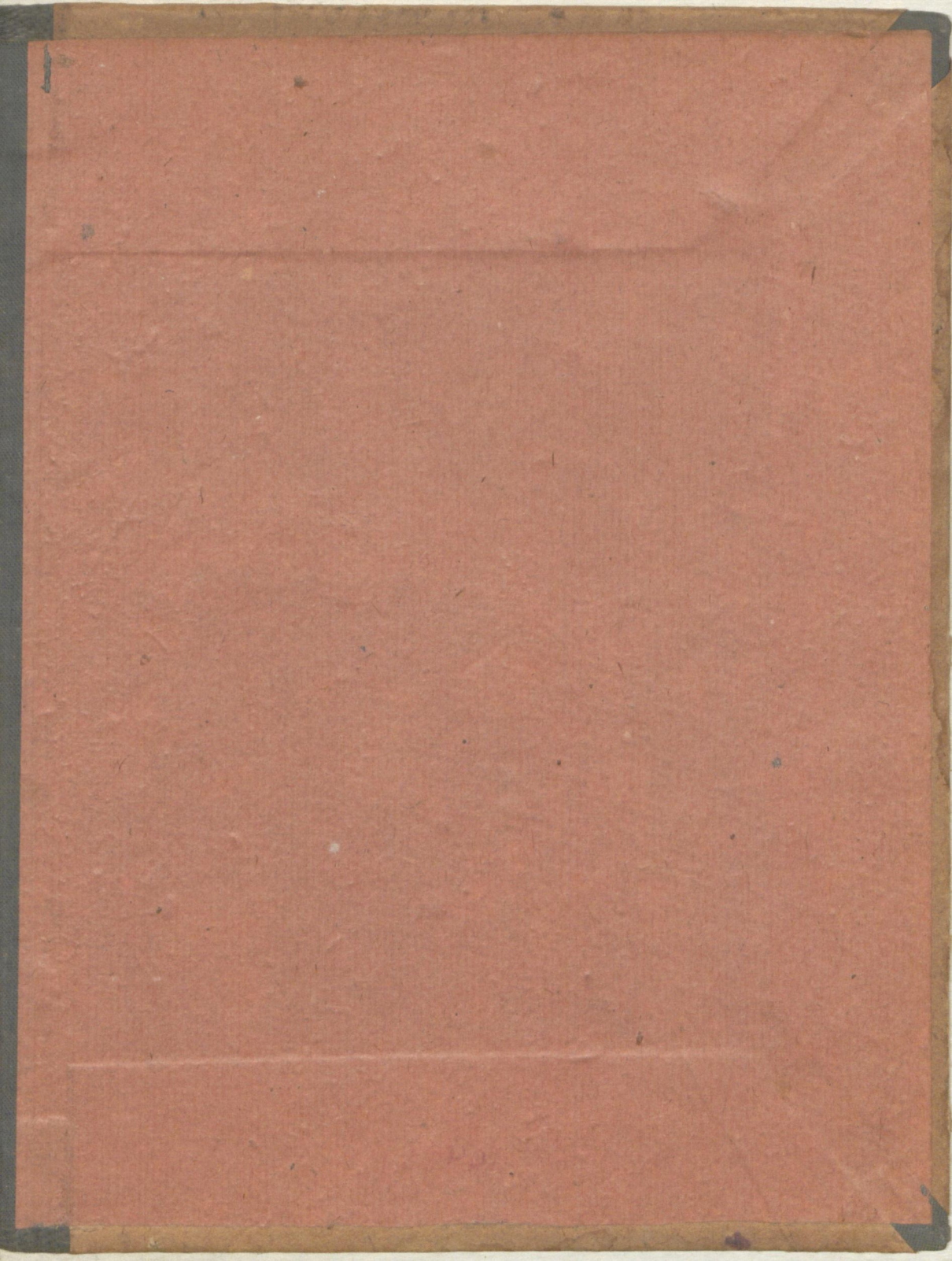
Бо ти дао здравије и веселје и пр.

Какъ торжественная рѣчь „на Чорному морі, на білому камені ясенький сокіл жалібно квидить проквіляє“... (Ант. и Драг. I, 185 Буря на морѣ) предшествуетъ пародіи („На Синему морі під припечком долі, Да там куца собака обметаю іла. Де не взялась з помийниці супротивна хвиля“ и пр Чуб. V, 1170); заключеніями служатъ такіа рифмованія безыслицы, какъ „kraj konec, potrla je baba v kulaji star lonec“ (Voljan. 186) коп.

с. бібліотек. АДУ

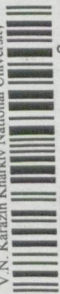
104119

Айзеншток и Синявский.

157

V.N. Karazin Kharkiv National University

01215474

2